

АЛЕКСАНДР МУРОМЦЕВ

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ
СЛЕДСТВИЕ**

Александр Муромцев

Предварительное следствие

«Издательские решения»

Муромцев А.

Предварительное следствие / А. Муромцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904046-6

Расследование убийства бизнесмена, труп которого случайно обнаружен в подмосковном лесу, поручено начинающему следователю Игорю Климову. Вопреки многим обстоятельствам преступление удаётся раскрыть...

ISBN 978-5-44-904046-6

© Муромцев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	9
3	11
4	14
5	17
6	19
7	22
8	24
9	26
10	30
11	33
Глава 2	35
1	35
2	38
3	41
4	47
5	48
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Предварительное следствие

Александр Муромцев

*«Производство предварительного
следствия обязательно по всем
уголовным делам, за исключением...»*

из статьи 150

*Уголовно-процессуального Кодекса
Российской Федерации*

© Александр Муромцев, 2018

ISBN 978-5-4490-4046-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1

За мгновение до звонка будильника он открыл глаза. Или так ему показалось. Обычно Петрович просыпался в семь утра. Это было привычкой, и никакой будильник ему нужен не был. Но сегодня он запланировал сходить по грибы, и для этого полагалось, как в детстве встать до рассвета, чтобы всех опередить. А вставать очень не хотелось. Непривычный к ранним побудкам мозг противился насилию и изобретал всяческие оправдания, что, мол, полчаса – час ничего не решат, можно и полежать. Тем более что упрекать было некому.

Геннадий Петрович давно жил один. Когда-то в прошлой жизни была жена, столичная квартира и работа на заводе. Потом все разладилось и в государстве, и в семье. От жены он ушёл, забрав только одежду и рыболовные снасти. Ушёл после очередного скандала, когда ему стало отчётливо ясно, что спокойной жизни на пенсии не предвидится, а будут сплошные попреки и раздоры. Жена яростно противилась наступающей старости, применяя весь арсенал косметики и чудо-лекарств, предлагаемый телевидением, продолжала работать диспетчером в автопарке и была в курсе всех новостей из мира знаменитостей. Ушёл он спокойно, ни в чём её не виня. Мало, что их уже связывало. Детей не было. Общих интересов тоже. Его выручил родительский дом в деревне в ста пятидесяти километрах от Москвы, который чудом уцелел в смутные девяностые, и тихо пустовал, зарастая кустарником и сорняками.

В нём Петрович, как его величали сельчане, и обосновался. Своими руками сделал кое-какой ремонт, наладил печь, перезимовал, весной раскорчевал небольшой огорожок и зажил бобылём. Пенсию назначили небольшую по меркам города, но в деревне она выручала. Петрович не курил, а выпивал крайне редко, да и то не покупное. Самогонку гнал ещё покойный батя. Его мудрёное устройство Петрович, работавший всю жизнь слесарем, привел в порядок и даже усовершенствовал. Самогонка требовалась, чтобы расплачиваться с шоферами и трактористами, без которых на селе никуда. Жена иногда приезжала, гостила по неделе, звала вернуться, но как-то ненастойчиво. Видно, её жизнь в городе вошла в колею. Петрович её понимал и не обижался.

В этом году, готовя запасы на зиму, Петрович даже наварил варенья, оставалось засолить грибов. Местный уроженец, он отлично знал окрестные леса и все грибные места. Но было одно особое, про которое мало кто ведал. Да и то сказать, в деревне осталась пара старушек, а так всё летние дачники, которые целыми семьями с детьми и декоративными собаками прочёсывали опушку большого леса, выбирая дотла сыроежки с опятами, а то и малосъедобные копытники. Петрович такие грибы знал, но не брал. Возни с ними много. Поэтому уходил он подальше в лес, от раздвоенной сосны забирал влево к болоту и по его краю шёл до небольшой полянки, где и росло богатство из белых и подберёзовиков. Подберёзовики росли как бы кустами, по несколько штук, а белые – цепочками, и Петрович любил их срезать по старшинству, причем самые молодые грибочки, которые ещё не проклюнулись на свет, он отыскивал наощупь в прелых листьях и еловых иголках. Эти крепыши шли исключительно для маринования, и такую литровую баночку открывал Петрович только в особых случаях.

Надо поторапливаться. На заветное место недавно наткнулся Жека из соседней деревни. Дороги вдоль болота Жека не знал, но пару лет назад лес разрезали автотрассой, с которой был неприметный съезд в чашу. Этот съезд, а затем полянку, Жека и обнаружил. У него имелся древний, ещё дедов мотоцикл с коляской. На нём Жека днями колесил по окрестностям, отыскивал и раскапывал оставшиеся с последней войны старые окопы и блиндажи, густо рассыпан-

ные по всему лесу. Найденные орудийные гильзы сдавал как цветной металл, а прочие трофеи продавал кому-то в городе. Этим и жил со своей матерью-инвалидом.

Третьего дня прошли обильные дожди, что для грибов первое дело. Жеку следовало опередить.

Петрович решительно поднялся и стал одеваться. Это расшевелило кошку и двух котят, которые до этого, как заколдованные, неподвижно сидели в дверях и только издали наблюдали за пробуждением хозяина. Лезть к кровати и мяукать по утрам у этой кошачьей семьи считалось дурным тоном. Хотя сейчас было совсем не их время, кошки, путаясь под ногами, показывали, что надо бы любимцев покормить. Что и было исполнено. Сам Петрович завтракать не стал, попил воды и взял в дорогу два ломтя ржаного хлеба, круто их посолив.

Выйдя за порог, он несколько мгновений постоял на высоком крыльце, вдыхая предрасветный воздух. Меньшую корзину закинул в большую, и тронулся в путь. До восхода было ещё с полчаса, но сумерки идти по набитой тропе не мешали.

Как он и рассчитывал, на полдороге к полянке верхушки деревьев осветило солнце, но неожиданно спустился легкий туман. Петрович продолжал идти напролом, не таясь, наступая на валежник, и за его треском краем уха расслышал вроде бы стрекотанье мотоциклетного мотора. Огорчённый, он остановился и прислушался. Но нет, всё было тихо, видимо, показалось. Он сделал ещё с десяток шагов и вдруг сквозь туман увидел впереди на краю полянки какой-то неяркий электрический свет. Вот и опередил – с досадой подумал Петрович, но идти продолжил.

Но что-то было не так. Обозначились два неподвижных светлых пятна, а у мотоциклов так не бывает. Значит, всё-таки не Жека. Кто тогда здесь в такое время? Особой тревоги не возникло. За годы Петрович привык и к одиночеству, и к лесу. В злые силы верить не приучился, чужих не боялся и всегда рассчитывал только на самого себя. Но здесь, на всякий случай, взял правей, зашёл немного сбоку, остановившись за толстым сосновым стволом.

Туман почти рассеялся, солнце светило уже сквозь листву. Петрович увидел угловатый силуэт крупной чёрной автомашины, упёршейся бампером в густые заросли малины и крапивы. Двигатель не работал, только неярко светили передние фары. Водительская дверца закрыта, но стекло полностью опущено. На водительском месте неподвижно сидел человек, склонив голову на руль. Мёртвых Петрович не боялся, хотя убитых видеть ему не приходилось. Но вдруг стало как-то не по себе, как-то неправильно всё. Кругом утро, солнце, ожил лес. И вдруг мертвый молодой мужик, вырванный силой из земного бытия. А кто его? И за что?

Петрович, хотя и был уверен, что на полянке и рядом в лесу никого нет, всё же внимательно огляделся, но никого так и не увидел. Он подошёл ещё ближе и увидел страшную картину. Даже сердце как-то захолонуло. Мёртвое лицо, обращённое к Петровичу, было спокойно. Полуприкрытые глаза по неживому тускло отражали дневной свет. Кровь во многих местах пропитала одежду. Хоть мёртвых и не боялся, но прикасаться к машине и трупу не стал, отошел. Подумалось: вот, эти его мать, сходил по грибки.

Но ни собирать грибной урожай, ни просто уйти Петрович теперь уже не мог. Как будто какой-то долг почувствовал перед покойником. Надо что-то делать. Вызывать милицию. Как видел раньше в старом детективном фильме. Хотя теперь и не милиция, а полиция, других вариантов для Петровича не было. Прихватив корзины, он пошёл напрямик через чащобу к автотрассе. По дороге он невольно ускорял шаг и в конце почти бежал, так что у съезда к шоссе нужно было встать и отдышаться.

Выбрав место на обочине, Петрович начал голосовать, как шутили раньше, «за развитие автотранспорта». Машин шло не так уж мало, но никто, видя пожилого мужика в брезентовой куртке, резиновых сапогах и с корзинами, не останавливался. Если бы это нужно было лично ему, Петрович плюнул бы и отправился пешком, но тут он делал как бы даже государственное дело, поэтому он упрямо стоял, вытянув вперёд и вверх правую руку.

И достоялся. Затормозил старенький микроавтобус с надписью «техпомощь» на обшарпанном борту. Молодой водитель, наклонясь к правому открытому стеклу, прокричал:

– Куда тебе, отец?

– Да мне-то куда. Ты вот что, сообщи в полицию, что в лесу человека убили. Я буду здесь дожидаться, а то не найдут. Сообщишь?

– А ты-то, кто?

– Житель местный, из Стеблево по паспорту Иванов, а зовут все Петрович, ты уж там объясни, а то напутают. Ивановых-то у нас в России, сам знаешь, полведра. Только поскорее бы приехали.

– Ладно, жди.

Парень уехал, а Петрович, понимая, что ждать нужно может даже не один час, отошел с обочины и присел за кюветом на косогоре. Достал было из кармана свой хлебный запас, но еда как-то в горло не шла. Так и сидел на солнцепёке, стараясь собраться с мыслями.

2

Дверь в кабинет следователя Игоря Климова приоткрылась и в образовавшуюся щелку заглянула инспектор канцелярии Лида. Увидев Игоря на рабочем месте, она скороговоркой протрещала:

– Игорь Николаич, вас шеф срочно зовёт.

– Иду!

Игорь подчёркнуто неспешно поднялся, надел пиджак, поправил галстук и, взяв для солидности блокнот и ручку, отправился на второй этаж к руководителю следственного отдела Валерию Ивановичу Сорокину.

Следотдел по городу Калашину недавно заселился в это новое здание, и запахи краски и штукатурки ещё не совсем выветрились. Но Игорю это почему-то нравилось, чем-то напоминало школу в начале сентября и порождало добрые и светлые воспоминания.

Постучав, Игорь попросил разрешения войти. Надо сказать, что в следствии начали прививать стиль общения по армейскому образцу, это многим ветеранам следствия не очень нравилось, но отслуживший после юрфака срочную службу Игорь воспринимал новые веяния легко.

Руководитель войти разрешил, указал на стул и спросил:

– Резиновыми сапогами обзавелся?

– Да нет еще, – ответил Игорь и, подумав, добавил, – дома у родителей есть, но в кабинет пока не привёз.

– Понятно, и форму пока не получил. Папку-то для выездов собрал или тоже «еще нет»?

– Формы моих размеров нет, а папка готова, а что нужно ехать?

– Угадал. Из дежурки звонили: труп в лесу, в машине. Полицейская группа выехала на место, передали, что огнестрел. Судмедэксперт уже там. Ждут следака. Тьфу, чёрт, сам не люблю это словечко, явно оно из блатного жаргона. Так что давай, сапоги у Величко попроси, там в туфлях не пройдёшь. Водителю я сказал, вас встретят на трассе и покажут куда ехать. Да, и вот: возьми мой служебный жилет, а то попадёшь в кадр в гражданке, начальство надписи «следственный комитет» не увидит, и мне опять за вас влетит.

Сорокин протянул Игорю небольшой свёрток в чехле из чёрного нейлона.

– Спасибо, – Игорь поднялся.

– И звони. Не будет мобильной связи, выйди через полицейскую рацию, мне передадут. А то от вас информации не дождёшься. Протокол и вещдоки в отдел, труп отправишь в морг, я скажу начальнику полиции: машину пусть отгонят к ним на стоянку, иначе раскулачат, – продолжал нудить Сорокин, который в начальниках ходил года два и считал, что если он не подскажет, то сами следователи сообразить не в состоянии.

Об этом Игорь подумал, уже спускаясь к машине.

Водитель Слава ждал за рулём «уазика», покуривая. Поехали сразу, и о сапогах Игорь вспомнил километров через десять. Доехали довольно быстро.

На обочине стоял сержант и развлекался тем, что осаживал двух репортёров местного телеканала «Дежурный объектив». Их разрисованный рекламой канала автомобильчик «Рено» приткнулся к кювету. Ребята горячились и винили сержанта в сокрытии информации и нарушении их конституционных прав. Сержант для вида сокрушался таким своим беззакониям, но дальше обочины бойких СМИшников не пускал, ссылаясь на приказ начальства.

– Так доложи, что мы приехали, он сразу разрешит, как узнает, что это мы, вот увидишь, – убеждали они.

– Да у меня рация только на приём настроена, – отбрёхивался сержант, – не могу доложить.

Игорь вылез из машины, надел служебный жилет, и представился. Репортёры воспряли и надели на сержанта с новой силой.

Но того было не прошибить. Игорю он сказал, что его давно ждут, и надо метров триста проехать вглубь леса.

Но тут подвёл Слава. «Уазик» почихал и заглох. Слава залез под капот и оттуда доложил, что быстрого отправления не гарантирует.

Дело осложнилось. Асфальт от лесной дороги отделяла трехметровая канава, на дне которой от недавних дождей стояла коричневая жижа. И тянулась эта лужа и вправо, и влево насколько хватало глаз. Хотя и неглубоко, но для Игоревых туфель непреодолимо.

Репортёры с серьезным видом сказали, что рады предоставить следствию свою «Рено» и проехать в лес.

Но это не устроило сержанта. Потоптавшись, он крякнул, нецензурно выругался и сказал Игорю:

– Давай на закорки, перетащу. Только не рассказывай никому.

Деваться было некуда. Сержант – здоровенный парень, легко сделал с живым грузом несколько шагов. Пристыженный Игорь поспешил скрыться в лесу, а сержант, гордый своей находчивостью и самопожертвованием, хлопая промокшими берцами, вернулся к репортёрам, которые подозрительно притихли.

3

На всякий случай Игорь считал шаги, чтобы засесть расстояние из расчёта: три шага – два метра. Долго идти не пришлось. Вскоре в просветах зелени Игорь заметил полицейскую машину, а рядом нескольких людей. Он подошёл ближе. Под ногами чавкало, туфли сразу промокли. Но винить оставалось только себя. Игорь узнал начальника уголовного розыска Куницына и судмедэксперта Реброва. Они опирались задом на капот полицейского «Фордика» и обмахивались отломанными веточками, отгоняя комаров. Дальше, на краю полянки, стоял чуть боком к ним черный «Мерседес» «Гелендваген». Возле него ходил толстый парень с фотокамерой.

– Игорь, привет! Заждались, – проговорил Куницын и протянул для пожатия руку.

Ребров просто кивнул и тоже пожал руку Игорю. Игорь, обогнув их, подошёл к «Мерседесу» и поздоровался с парнем. Тот представился Эдиком, экспертом-криминалистом из отдела полиции, добавил, что он всё заснял, и отправился к полицейской машине.

Игорь сделал круг, заглядывая в окна внедорожника, и остановился у водительской дверцы. Да, это несомненный криминал. Одна огнестрельная рана чуть ниже левой подмышки. Ни оружия, ни гильз в машине и под ней не видно. Убитому лет тридцать – тридцать пять. Дорогие костюм и рубашка, да и машина непростая. Даже небольшой опыт Игоря позволял понять, что проблемы с таким делом об убийстве у него будут.

Перед тем, как начинать подробный осмотр, Игорь жестом пригласил коллег на военный совет. Они оба, люди со стажем, повидали всякого, и поэтому свои мысли выражали кратко, по существу.

Всё сводилось к следующему. На лесной дороге следов не отфиксировать, слишком большой слой сухих еловых иголок. Вроде примятость есть, но, что и когда проехало, не скажешь. Полянка сыровата и с высокой травой, поэтому колея от внедорожника ясно выделяется. Она единственная и оставлена именно этой машиной. Следов ног не выявлено, только трава в нескольких местах примята. Это, видимо, после свидетеля, который и нашёл труп.

На вопрос Игоря, где этот свидетель, Куницын сказал, что это местный мужик, он здесь, дожидался полицию и сейчас с участковым и водителем обходит полянку по опушке, может, они что и найдут.

Судмедэксперт подтвердил, что видимая рана одна, но одежда залита кровью, поэтому он скажет точнее, когда труп вытащат из машины.

Куницын добавил, что свидетель говорит: дверцы были закрыты, когда он пришёл. А вот стекло явно опущено до выстрела, поэтому оно и не разбито. Машину Куницын, по его словам, пока не смотрел, хотя сказал, что документов при трупе и в машине нет, как и денег.

Такое нелюбопытство опера Игоря, конечно сильно удивило, но вслух он ничего говорить не стал, приберёт слова на потом, понимая, что машину до его приезда уже аккуратно обшарили.

Куницын, чуткий как собака, уловил даже невысказанное сомнение и поспешил Игоря отвлечь, сказав, что по номерам машинку уже проббили, числится за какой-то ассоциацией, название длинное, у ребят записано, а на учёт поставлена Вишневецким, жителем Москвы, 1959 года рождения. Так что убитый явно не он. Труповозку вызвали, едет.

Оставалось перейти к самой неприятной части осмотра – вытащить и тщательно осмотреть труп. Латексные перчатки были только у судмедэксперта. Игорю и Куницыну пришлось брать за одежду, где почище. Эдику перчаток не досталось, но ему они нужны и не были. Он сразу заявил, что покойников таскать не его дело, и он к ним ни разу не прикасался. Спорить с ним не приходилось, но остальным деваться было некуда.

Поэтому втроём, раз-два взяли, подняли, вынули и положили на траву. Трупное окоченение в крупных мышцах уже наступило, поэтому убитый был в неестественной позе, как будто готовился прыгнуть. Но это никого не смущало, и Ребров начал методично проверять карманы, а Игорь складывать в пластиковый мешок для вещдоков голубой носовой платок, пластмассовую расческу, часы на белом металлической браслете, желтый металлический перстень с тёмным камнем-вставкой, три ключа на стальном колечке, желтую металлическую цепочку с крестиком.

А больше ничего. Ни документов, ни мобильного телефона, ни денег.

Игорю стало интересно: как о том, что их нет, узнал Куницын? Игорь на него взглянул, но увидел до того безмятежные и ясные голубые очи, что первым отвел взгляд.

Ребров опытными движениями расстегивал рубашку и брюки, осматривал тело и ровным голосом комментировал увиденное на предусмотрительно включенный Игорем диктофон:

– Смотри, ни других ран, ни шрамов, ни татуировок на убитом не наблюдаем. Входное отверстие на левой боковой стороне груди, ранение слепое. Пулю я извлеку при вскрытии. Могу сказать, что, судя по ране, стреляли не в упор, а с некоторого расстояния, но точнее по следам выстрела на пиджаке и рубашке скажет баллистическая экспертиза.

Игорь, глядя на неподвижное тело, неожиданно подумал: сколько раз приходилось читать в книгах про страшные гримасы на лицах убитых, жуткие оскалы и прочие ужасы. Ничего такого он никогда не видел. Может, и бывает после серьезных аварий. Но вообще-то покойник от русского слова покой. Ничего-то его лицо не выражает из-за полной расслабленности мускулов.

От этих мыслей отвлёк Куницын, который за эти минуты прошерстил салон машины, перевернул резиновые коврики, проверил дверные карманы и пресловутый перчаточный ящик, который все поколения наших шоферов дружно зовут «бардачок», и показал свой улов. Счёт-квитанция за техобслуживание на имя Вишневецкого, инструкция по эксплуатации и карта – схема Москвы и области. Всё это Игорь тоже уложил в пакеты.

Эдик, тоже не теряя времени, колдовал со специальным составом, обрабатывая им стекла и дверцы, руль и панели салона, стремясь найти отпечатки. Какие-то выявились, но чьи – пока не скажешь.

Надо начинать писать протокол.

Чтобы не так доставали комары, Игорь сел на заднее сидение полицейского «Форда», поднял все стекла, утвердил на коленях папку, и, одуревая от духоты, привычно строчил на заранее распечатанном бланке, что он, такой-сякой, при достаточном дневном освещении и так далее, произвел осмотр места происшествия и трупа неизвестного мужчины. Как всегда, во время этой неизбежной механической работы мысли пришли в равновесие, Игорь почувствовал даже какое-то удовлетворение от собственной главной роли в процедуре осмотра.

Остальные, пользуясь паузой, сгрудились у машины. Куницын и Ребров закурили и потихоньку травили анекдоты.

Эту идиллию нарушил противный писк рации. Куницын ответил, а потом, ухмыляясь, протянул пластмассовый кирпичик Игорю, присовокупив:

– Это тебя, ваше благородие.

Игорь машинально поднёс рацию к уху и сразу узнал от своего шефа Сорокина, кто он есть, как его звать и вообще где доклад?

Игорю стало стыдно, но не очень. Он занимался делом, что в его понимании было важнее всяких докладов.

Строго посмотрев на ребят, которые хихикали, слыша словесные упражнения Сорокина, Игорь, как ему показалось, связно и обстоятельно проинформировал шефа обо всех скорбных обстоятельствах.

Узнав о том, что на отдел падает ещё один возможный глухарь, Сорокин рассвирепел и начал так орать, что рация была, пожалуй, лишней. Выплеснув эмоции, он велел поторопиться, закругляться и не забыть доставить в полицию свидетеля, нашедшего машину. На этом сеанс связи руководство завершило.

Игорь вздохнул и вернул рацию Куницыну.

В этот момент возвратились с обхода участковый, водитель и мужчина в брезентовой куртке. Всю их одежду облепила лесная паутина. Участковый доложил, что ничего не обнаружили. Но это было не совсем так. В руках у участкового и водителя имелись большие полиэтиленовые пакеты, набитые грибами.

Куницыну стало за них неудобно, и он зло сказал:

– Вижу, зря времени не теряли.

– Дак, чего? Тут их полно. Хоть косою коси. Топтать что ли? – проямлил участковый.

Игорь видел его впервые. Обычный парень, форма новая, ещё не обмятая. Физиономия вроде смышлёная, а понимания, что не всё можно делать вблизи трупов, нет.

– Как ваша фамилия? – спросил Игорь, – мне для протокола нужно.

Участковый проворно поставил пухлый пакет к колесу машины и представился:

– Лейтенант полиции Ковтун.

Игорь записал его в участники следственного действия и обратился к пожилому мужчине:

– А вы кто?

– Иванов Геннадий Петрович. Живу здесь недалеко. Деревня Стеблево.

– Вы обнаружили машину и труп?

– Да. Я уже всё рассказал, вот товарищам, как и что. Я ничего не брал и не трогал. Сразу пошёл к дороге и милицию вызвал.

– Понятно, только сейчас полиция называется. Вы нам ещё понадобится, поэтому надо будет с нами проехать в отдел.

В это время на поляну въехал зелёный уазик-буханка. Это прибыла труповозка. Разбитый водитель, выпрыгнув в траву, весело со всеми поздоровался.

– Ты, давай, развернись и задом сдвигай, видишь «Мерседес» стоит? Не на руках же нам тащить? – распорядился Ребров.

Всё было сделано, труп общими усилиями погрузили. Игорь выписал бумажку о направлении трупа на судебно-медицинское исследование, и буханка укатила.

Оставалось перегнать в отдел «Мерседес». За его руль уселся участковый Ковтун, как человек без предрассудков. Ключи оставались в замке зажигания, но запустить двигатель сразу не удалось. Сел аккумулятор. Хорошо, что в полицейском «Форде» нашлись провода с клеммами. «Фордик» подогнали вплотную к борту «Гелендвагена». «Немцу» дали прикурить, и его мотор тихо заурчал. На заднее сиденье усадили свидетеля Иванова. Остальные втиснулись в легковушку, и машины тронулись через лес к автотрассе.

На выезде, по-прежнему, маячил рослый сержант, а за его спиной увивались репортёры, нацелив камеры на вынырывающие из канавы машины. Сержант подошёл и доложил, что следотдельский уазик уехал на ремонт, труповозка прошла, а сам он лучше сядет во внедорожник. Репортёры погрузились в свой «Рено», и колонна двинулась в город Калашин.

4

В райотделе полиции, в кабинете её начальника Кустова, Игоря уже дожидались руководитель следотдела Сорокин и замрайпрокурора Мещанов.

Они молча изучили содержимое пакетов с изъятыми с места происшествия вещами, и посмотрели на Игоря, ожидая доклада.

После его недолгого рассказа Сорокин спросил:

– И кто же тогда этого мужика грохнул? Ни гильз, ни оружия, ни следов. Как сам-то думаешь?

Игорь неуверенно предположил, что может кто-то поджидал на полянке, а после убийства забрал документы и телефон и скрылся в лесу.

– А туда прилетел и оттуда смылся по воздуху, как Карлсон? – пошутил начальник полиции Кустов, – и зачем убитому было сворачивать с дороги в чашу?

– Да глупости, – вмешался Мещанов, – просто некачественно осмотрели местность, опыта не хватило или торопились. Вот и нет результатов. А в таких делах спешить не надо. Скорее всего, убийца или убийцы сидели у убитого в машине. А значит, были знакомы, и он им доверял. Под надуманным предлогом, например, захотели в туалет, попросили завернуть на полянку, потом вышли из машины и стрельнули через открытое водительское окно. Забрали документы и телефон и пешком вернулись на трассу, где их ждала вторая машина. Вот и весь ребус. Нужно срочно организовать поиски второй машины.

Сорокин, подумав, возразил,

– Вряд ли так. От трассы до машины по протоколу расстояние 260 метров. Далековато для заезда в туалет.

– Хорошо, а если его под пистолетом заставили туда ехать? – настаивал Мещанов.

– Как её искать, эту вторую машину, если она действительно была? Время мы не знаем, направление движения не знаем, что за машина тоже не знаем, – посетовал Кустов.

Сорокин на это сказал, что нужно изъять видеозаписи с постов и на въезде в город, и на трассе в сторону Москвы за последние сутки. И добавил, обращаясь к начальнику полиции:

– Ты давай пошли своих ребят, а то Игорю и так до ночи сидеть с бумажками. Нужно возбуждение дела оформить и спецдонесение в областное следуправление успеть напечатать.

И уже повернувшись к Игорю:

– Допроси этого Иванова, что труп нашёл, и дуй в следотдел, я позже приеду.

– Может этого Иванова у нас придержать, пусть сутки посидит, подумает, гляди чего и вспомнит? – предложил Кустов.

– А за что? Никаких законных оснований нет, – засомневался Сорокин.

– За что, за что? Не знаешь, что ли? По беспределу. Задержим за то, что матом во дворе ругался, а в камеру к нему человечка сунем, – продолжал искушать Кустов.

– Я всего этого не слышал, – заявил Мещанов, – и, вообще, мне пора, поеду докладывать.

С этими словами Мещанов ушел. Игорь тоже поднялся со стула, ожидая решения о судьбе Иванова, которого ему было просто жалко.

Сорокин, почувствовав настроение Игоря, сказал Кустову:

– Давай не будем горячиться. Не тот это случай, да и следователь против, так ведь?

Игорь кивнул и вышел во двор райотдела. Иванова он увидел на скамеечке у ворот.

Несмотря на повсеместную борьбу с курением, скамеечка эта заядлых курильщиков выручала. Над ней кто-то приделал самодельный навес из кровельной жести, а спереди вкопал ведро с бурой водой, в которой плавали бычки.

Петрович покорно сидел, ожидая, когда к нему будут вопросы. Корзинки он поставил возле себя и эти шедевры лозоплетения оказались совершенно неуместны на пыльном казённом дворе.

В своём уединении Петрович снова попробовал перекусить, достав из кармана хлеб. Перед ним, словно из ниоткуда, возникла пёстрая собачка, одно ухо которой забавно стояло торчком, а другое свешивалось, почти закрывая глаз. Местная эта собачка, глядя на хлеб, просительно приподняла переднюю лапку. Петрович, хотя и сам голодный, собачке улыбнулся и половинку отломил. Собачка подержала кусок чёрного хлеба в пасти, затем выронила его в пыль, понюхала, есть не стала и удалилась. Петрович чертыхнулся, но поднимать кусок не стал, доел что осталось. Тут подошёл молодой парень, что приезжал в лес, и позвал с собой.

Игорь привёл Петровича в свободный кабинет на втором этаже, достал из папки бланк допроса и начал писать. Петрович устал за этот суматошный день, все его ощущения притупились. Себя он видел, как бы со стороны, и ему казалось, что всё происходит не с ним. Но он старательно отвечал на вопросы, а потом под диктовку следователя написал внизу листа, что протокол прочитан лично и с его слов записан правильно. Но внимательно написанное Петрович не читал. Потому что без очков он не очень разбирал чужой почерк, да и просто стеснялся не доверять этому, тоже уставшему, парнишке.

Игорь, помещая протокол в папку, поинтересовался, как Петрович доберётся до своей деревни.

– Да как теперь доберёшься? Последний автобус из Калашина ушёл ещё в пять вечера, а сейчас вон на часах восемь. Да и денег нет, я же в лес направился, – поделился проблемами Петрович.

И только в этот момент, впервые за день, он понял, что никакой заветной полянки у него больше нет. И дело теперь не в Жеке, а в том, что слишком много людей про неё узнали. И у них есть машины. А с дороги туда заехать раз плюнуть. Да и после этой машины с мёртвым мужиком, будь она неладна, прелесть волшебной полянки как-то утратилась.

Петрович, невесело задумавшись, притих.

Игорю стало жалко своего немолодого свидетеля. У него самого тоже весь день наперекосок. Вспомнились и свои, недоделанные из-за выезда, дела. А их немало, и никто другой их за него не сделает.

Игорь набрал в мобильном телефоне номер начальника угрозыска Куницына и решительно начал:

– Женя, помощь твоя нужна! Тут нужно Петровича, ну, свидетеля Иванова в Стеблево доставить, выручай!

Куницын начал вяло уклоняться от дополнительной заботы, а потом вдруг сообразил:

– Знаешь, у меня Ковтун участковый тут завис. Ему всё равно в те края ехать. Давай, присылай деда. Ковтун его отвезёт.

Игорь объяснил Петровичу, как найти кабинет Куницына и тот, поблагодарив и попрощавшись, ушёл.

Игорь откинулся в кресле и посидел с закрытыми глазами, а потом резко встал и отправился в следотдел строчить бумажки.

Освободился он поздно и пешком пошёл домой. Уже совсем стемнело. Кое-где сквозь листву проглядывали уличные фонари, которым удавалось осветить только небольшой пятючок вокруг столба. Игорь любил ходить этим привычным путём. Особенно хорошо было в начале лета, когда цвели липы, двумя тесными рядами стоящие вдоль всей асфальтированной дороги. Аромат липового цветка волной накрывал проходящего у дерева, а потом немного ослабевал, пока не поравняешься со следующей благоухающей кроной.

Идти до дома приходилось минут двадцать. По совету Куницына Игорь снимал однокомнатную квартирку в одноподъездном доме о двух этажах. Его жильё располагалось на первом.

Стоило это недорого, тем более что на службе выплачивалась небольшая компенсация за этот наём. Арендодатель, тётя в годах, обитала в оставшемся от родителей обширном доме, на окраине города у реки, где под рукой и сад, и огород, и луговина для гусей и уток. Свой небольшой доход от квартиры и львиную долю пенсии она посылала своей непутёвой, по её же словам, дочери, куда-то на Украину.

Освещения в подъезде не имелось. Игорь поначалу вворачивал лампочки, но они сразу исчезали. Он сначала было пошёл на принцип, и покупал, чуть ли не через день, новые. Но и они исчезали. Стало понятно, что в таком темпе следовательский оклад не выдержит покупку даже сорокаваттных осветительных приборов. Игорь сдался и теперь находил замочную скважину просто наощупь, научась это делать в одно движение руки, чем даже втайне гордился.

Игорь родился и вырос в Москве, там и сейчас жили родители и младший брат. Там был его настоящий дом. Игорь проучился пять лет на юрфаке, отслужил в армии, и никак не планировал куда-то уезжать из родного города, но оказалось, что вакантных должностей следователей в главном управлении следственного комитета по Москве нет, а в области нашлось место только в Калашине. Игорь согласился и сейчас не жалел. Как-никак он устраивал свою судьбу сам, без покровителей и поддержки, если не считать небольшие суммы от родителей, которыми он затыкал бреши в своём бюджете.

Правда, в Москве оставалась Ирина, с которой дружили ещё в школе. Эти чувства переросли в любовь, которая уже год подвергалась испытаниям из-за ста пятидесяти разделяющих их километров. Выручала пока мобильная связь. Они переписывались по нескольку раз день, но сегодня для смс было уже поздно.

Игорь просто завалился спать без всяких сновидений, установив будильник в телефоне на семь утра.

5

В светлом сосновом лесу недалеко на запад от Москвы на исходе этого знойного летнего дня дышалось как-то особенно легко.

Небольшой коттеджный посёлок умело расположили у кромки небольшого лесного озера, от которого в этот поздний час исходила ощутимая свежесть.

Несмотря на близость воды, комары не досаждали. Может быть, им препятствовал смоляной запах сосен, а вернее всего тот химический состав, которым люди в противогазах каждую неделю обрабатывали прибрежную осоку.

Такие тонкости уходили от внимания немногочисленных обитателей посёлка.

Главы семейств по утрам на лимузинах с персональными водителями отправлялись руководить компаниями и банками в Москву и возвращались только к позднему вечеру.

Их жены на изящных машинках к середине дня упархивали по своим важным косметическим делам или на шопинг. Детки под присмотром нянек выпасались на разноцветной игровой площадке, а тех, что постарше отвозили или в школу, или на спортивные занятия.

Словом, хорошо текла жизнь. Гладко.

Растаявший в дневном солнечном пекле мегаполис оставался где-то в отдалении. Выхлопные газы, сутолока метро и плотные людские потоки, конечно, существовали, но это там, далеко, где этому и положено быть.

В это беспокойное море приходилось ежедневно нырять, чтобы заработать деньги, продвинуться, преуспеть.

За это преуспевание мегаполис исправно поставлял в посёлок снедь в красивых упаковках, нарядные бутылочки и прочие гастрономические радости, словом всё то, что нужно для правильного отдыха и восстановления затраченных сил.

Да и слава Богу, что отдыхать стало можно здесь, у себя. Немыслимо же каждый день улетать на Ривьеру или к Женевскому озеру. Не налетаешься, да и не поймут.

Так что этот самый правильный отдых и протекал сегодня в усадьбе главы финансовой корпорации Валерия Анатольевича Черкасова.

Приглашенными на суаре оказались две соседские семейные пары. Жена Черкасова развлекала их разговором под лёгкие закуски и тяжелые напитки. Компания расположилась под навесом у бассейна, откуда доносился оживленный разговор и иногда слышался смех.

Сам Черкасов, принеся тысячу извинений и сославшись на неотложные дела, коротая время до ужина, посиживал в глубине балкона второго этажа. По правде говоря, дел у него не было, просто хотелось посидеть одному, поцеживая виски и покуривая гаванку. Другие сигары Черкасов отвергал, хотя внятно объяснить почему, вряд ли бы смог.

Кубики льда мягко позванивали в широком хрустальном стакане, на кончике сигары постепенно образовывался плотный цилиндрок серого пепла, и мысли уходили в какие-то неожиданные, но приятные сферы.

Видимо на Черкасова так синергически, говоря модными словами, действовали алкоголь и никотин.

Усмехнувшись про себя, он вспомнил, что у Чехова для обозначения таких состояний применялось выражение «парить в эмпиреях».

Взор Черкасова упирался в сгущающуюся синеву неба. На темном фоне контрастно выделялись легкие белые облачка, нижний край этой идиллической картины оттеняли почти чёрные зубцы верхушек сосен. Лёгкие, слегка ощутимые, движения вечернего воздуха доносили смоляные запахи и слабые шорохи окружающего дом леса.

Но напрасно, в оправдание своего отсутствия, он сослался на вымышленные дела. Дела его и настигли. Сначала он услышал звук подъехавшей машины. При этом звонков от охраны

с вопросом: «Пускать, не пускать», не поступало, значит приехал кто-то из своих. Потом вошла горничная, и сообщила, что приехал начальник его службы безопасности Сергей Гапоненко.

– Он что позвонить не мог? – пробурчал недовольный Черкасов, – ладно, зови его сюда.

Всё очарование вечера улетучилось, как сигарный дым. Во рту остался только горьковатый торфяной привкус недешёвого виски.

Гапоненко вошел на балкон и, повинувшись жесту шефа, расположился в кресле, напротив.

– Ну и ...? – Черкасов приложился к стакану, не предлагая выпить Гапоненко.

Гапоненко выпрямился в кресле, слегка наклонился к Черкасову и начал говорить:

– В общем, всё пошло не так. Эти придурки только недавно со мной связались. Короче, они в него стреляли, но тот дал по газам и уехал. Его «Гелендваген» они не нашли. Поэтому флешку забрать не удалось.

– Так он живой?

– Не знаю, выясняем. Утром получу более точную информацию. Мы все свои связи в органах и у братков задействовали.

– Гапоненко, это прокол. Это твой косяк и ничей больше. Где ты этих горе-стрелков откапываешь только? Смотри, чтобы никто ничего не вякнул. Все давай, не расслаживайся и своих всех напряги. Жалко гости у меня, а то я тебе долдону проще бы всё объяснил. Давай, топай.

После ухода Гапоненко Черкасов обнаружил, что сигара погасла и теперь издавала зловоние табачной золы, лед в стакане растаял, и образовавшаяся там желтоватая водичка больше не щекотала нёбо и не радовала.

Вечер оказался совершенно испорчен, а проблем добавилось.

6

Следующий день погодой не порадовал. С утра сеял меленький дождичек, обещая затянуться до вечера. Сразу похолодало.

В помещениях морга и в солнечные дни особенного уюта не было. На полу и стенах тусклая голубая плитка, окна до половины закрашены белой краской. Известковая побелка на потолке в желтых кругах от постоянных протечек.

Яркая лампа над секционным столом освещала место работы Реброва, который привычно орудовал хирургическими инструментами.

Игорь стоял чуть поодаль, держа в правой руке диктофон. Хотя все происходило с его участием далеко не первый раз, его поколачивала какая-то нервная дрожь, и ладонь взмокла от пота.

Он внимательно слушал комментарии Реброва, машинально приближая к нему диктофон в начале каждой реплики.

У Игоря на плечах красовалась белая больничная накидка. Даже его небольшой опыт уже научил прикрывать свою одежду от тяжелых запахов секционной. Иначе пару дней будешь так благоухать, что это парфюмерное решение обязательно оценят окружающие.

Ещё опытные люди советовали закурить, если уж совсем невмоготу, когда труп лежалый. Но Игорь, как некурящий, прибегал к этому способу защиты редко.

Ребров, обычно смолвивший сигареты, на вскрытиях применял папиросы, мундштук которых позволял прикасаться к ним в заляпанных трупной кровью резиновых перчатках. Ребров при этом утверждал, что папиросы изобрели золотоискатели на Аляске, чтобы при курении не прожигать рукавицы.

Игорь всем этим рассказам Реброва не очень-то верил, зная склонность того к розыгрышам, но и не спорил попусту.

Ему вдруг стало понятно, что его внутренне потревожило, придавая действию, в котором он участвовал, горький характер полной обречённости и безысходности. Внешне, казалось бы, ничего не нарушало обыденности: врач в белом халате, стол, бестеновой операционный светильник. Даже обнажённый пациент, хоть и неживой, вписывался в картину медицинского заведения.

Единственное, что выпадало из общего ряда – грудка окровавленных железок в лотке с облупившейся эмалью. Они лежали навалом, вперемешку, некоторые со следами ржавчины. Рука Реброва уверенно выбирала нужный, а один раз он даже двумя ловкими движениями подточил на замызганном брусочке огромный скальпель.

Врачебная наука много веков осознававшая аксиому асептики, возводящая в религиозный градус стерильность инструментов и материалов, имеющая десятки способов размытия рук хирурга перед операцией, здесь, тоже по сути в медицинских стенах, вдруг отбрасывала все эти сложные церемонии по отношению к человеку, пересекшему грань. И это ставило точку. То, что происходило дальше с его телом, уже управлялось иными моральными и профессиональными установками.

Из задумчивости Игоря вывел Ребров, показывавший на вскрытой грудной клетке, направление раневого канала. Стальной зонд упёрся в позвоночник, где и обнаружилась пуля. По виду девять миллиметров, со сферическим концом. От обычного штатного боеприпаса к пистолету Макарова или другим огнестрельным устройствам, рассчитанным на такой патрон. Пуля практически не деформировалась от удара о кость, видимо её кинетическая энергия исчерпалась при проходе через слои одежды и мягкие ткани. Тем лучше для экспертов при идентификации ствола. Только вот как его найти этот ствол?

Это уже задача Игоря. Ребров положил пулю в пакет и передал следователю, стащил печатки и вышел из секционной, предоставив санитару зашивать труп.

Игорь пошел за ним следом. Ребров уже развалился в кресле и затянулся сигаретой. Молодая лаборантка с пышными формами поставила перед ним кружку растворимого кофе, аромат которого вернул Игоря к действительности.

– Тебе кофе или чай? – гостеприимствовал Ребров.

– Да ничего не охота, давай лучше по делу, когда ждать твоё заключение?

– Дай дней десять – двенадцать, когда будут готовы гистология и химия, тогда и напишу. Но никаких сенсаций не жди, всё очевидно. Выстрел был один. Этот парень, скорее всего, был в машине, левая рука на руле. Окно видимо открыто. Входное отверстие в левом боку. Сердце цело, но задета крупная артерия, поэтому возникло сильное внутреннее кровоизлияние, а смерть наступила минут через пятнадцать – двадцать. Он некоторое время мог совершать активные действия, например, управлять машиной, если конечно от болевого шока сразу не наступила потеря сознания. Время смерти примерно шесть-семь часов от момента обнаружения, то есть накануне, за час-два до полуночи. По внешнему виду судя мужик ухоженный, тренированный, как ты видел, ни шрамов, ни татуировок. Запаха алкоголя от внутренних органов и от мозга я не почувствовал, но точнее, как и по употреблению наркотиков, скажет химанализ. Полицейский криминалист его дактилоскопировал. Генетический материал я отобрал. Вот и всё. Тут наука закончилась, дело за твоей дедукцией. Мне и самому стало интересно кто он, и кто его грохнул.

В этот момент в кабинет зашёл начальник угрозыска Куницын, слышавший завершающие слова. Он быстро пожал Реброву и Игорю руки и бодренько сообщил:

– Сейчас всё и выясним. Помните, в машине документы нашли на имя Вишневецкого. Ребята мои ночью поработали и установили его телефон. Я с ним созвонился, всё объяснил и вызвал к нам. Он с утра и приехал.

– Ну, ты молодец, давай его сюда, сейчас опознание произведём, – оживился Игорь.

Вишневецкий оказался грузным пожилым мужиком с барской осанкой и величественными повадками. Он назвал своё имя – Эдуард Витольдович – и согласился посмотреть убитого. После чего его направили в секционную, где, передвигаясь весьма степенно, он обошел стол, держась подальше от мёртвого тела и, молча вернулся в кабинет Реброва.

Тот предложил ему стул и на выбор: нашатыря или валерьянки. Вишневецкий, уловив нетерпение Игоря и Куницына, от допинга отказался и поведал, что убиенный – это его заместитель Садаков Александр Михайлович.

Правоохранители синхронно выдохнули, стараясь не обнаруживать радостного облегчения от того, что личность жертвы установлена.

Расстроенный Вишневецкий продолжил:

– Мы вместе довольно долго работаем, точнее, работали. Но отношения сложились чисто служебные. Все анкетные подробности можно получить у нас в отделе кадров. Компания наша называется «Ассоциация финансового консультирования». Насколько я знаю, Садаков человек одинокий. В Москве у него квартира, есть и дача. Но я у него никогда не бывал и адресов не знаю. Всё можно уточнить у коллег. Ума не приложу, кто и за что мог убить Александра Михайловича. Ни про конфликты, ни про угрозы я никогда ничего не слышал. Машина действительно оформлялась на меня, но принадлежит компании, и постоянно ею по доверенности пользовался Садаков.

Игорь проворно вытащил бланк протокола допроса свидетеля и памятуя, что ковать железо нужно пока горячо, начал расспрашивать о характере работы Садакова и круге его общения.

Понимая, что лучше не мешать, Ребров отправился на очередное вскрытие, а Куницын – покурить на улице у входа в морг.

Вишневецкий, сообразив, что его визит затягивается, начал канючить:

– Вы знаете, я никогда в такой обстановке не бывал, у меня давление скакнуло и вообще самочувствие плохое. Я ни разу не видел убитых и тем более Александра Михайловича, и тем более в голом виде, поэтому убедительно прошу перенести нашу беседу на другое время.

Игорь пропускал сетования Вишневецкого мимо ушей и упорно записывал в протокол его слова.

Тут, как на грех, Игорю позвонил руководитель следотдела Сорокин и велел в 14 часов прибыть к нему в кабинет на оперативное совещание. На слова Игоря, что как раз сейчас идёт допрос свидетеля по делу об убийстве, Сорокин рявкнул:

– Я два раза повторять не буду! Прерви допрос, вручи повестку на завтра и быстро в отдел!

Игорь с досады чертыхнулся, показал Вишневецкому где расписаться и отпустил его с миром.

До совещания оставалось всего четверть часа, поэтому Куницын согласился подбросить Игоря. Ехать до следственного отдела было недалеко и толком обменяться соображениями по дороге не удалось. Тем более что Игорь больше помалкивал, погрузившись в свои мысли и стараясь догадаться, что вызвало такой срочный сбор.

7

– Климов, ты, как обычно, в последнюю минуту, – Сорокин уже восседал во главе длинного стола для совещаний, который совсем недавно установили в его кабинете.

По обе стороны стола уже разместился почти весь следственный отдел. Заместитель руководителя Петрова, старейший на всю область следователь Белов, и следователь-криминалист Горячкин сидели по левую руку от начальства, а по правую – следователи Петька Величко и Зиночка Дементьева. Два стула на этом фланге пустовали. На один из них и приземлился Климов, успев пробормотать в сторону Сорокина:

– Разрешите присутствовать?

Ответа он не получил, потому что открылась дверь и в кабинет вошёл высокий худощавый мужчина в хорошем сером костюме и дорогих ботинках.

Эти ботинки Игорь сразу про себя отметил. Его вчерашние туфли после встречи с сырой полянкой пришлось выбросить, и сам их бывший хозяин пребывал в кроссовках и джинсах.

Увидев мужчину, Сорокин встал и вытянулся, а за ним и остальные, хотя и вразнобой.

Тот решительно прошёл к началу стола, процедив с усмешкой:

– Вольно, не напрягайтесь, – и уселся на место Сорокина.

Сорокин проворно ногой подтянул для себя стул от стены и уселся с бочку.

– Я заместитель руководителя убойного отдела из областного главка. Полковник юстиции Алексей Васильевич Зинченков, – мужчина говорил, не повышая голоса, но какая-то нервическая нотка в его речи ощущалась. Он обвёл собравшихся строгим взором и продолжил:

– Принято решение дело об убийстве передать в наш отдел. Я принимаю дело к своему производству. Все следователи Калашинского следственного отдела включаются в мою следственную группу. Постановление нужно будет подготовить вам, майор Сорокин. Кстати, все присутствуют?

Сорокин, опешив, поперхнулся и выпалил:

– Все. То есть, нет, не все. Следователь Раджабов с утра уехал в следственный изолятор, там связи нет. Не смогли оповестить. Остальные все здесь. Но, Алексей Васильевич, у каждого по три – четыре дела в производстве, у заместителя Петровой и то два. Кто же их расследовать будет, если в вашу группу их включить?

– Это ваша забота, вы руководитель отдела и обязаны это обеспечить. Тем более, что преступление совершено на вашей земле, и его необходимо оперативно раскрыть. Никто от работы по своим делам не освобождается. И имейте все в виду: до полного раскрытия суббота – рабочий день. Кто не справится с планом на день, выходите на службу и в воскресенье. Это не возбраняется. Не надо кислых физиономий, отдыхать будем на пенсии. Поставлена задача дать результат в ближайшие дни, крайний срок одна неделя. Криминалисту отдела поручаю систематизировать материалы дела и набросать проект плана расследования. Остальной группе: произвести задержание лица, нашедшего труп, и провести тщательный обыск в его жилище. Организовать повторный осмотр места происшествия с применением металлоискателей и кинолога с собакой. Допросить возможно большее число лиц, знавших убитого при жизни, и постараться выяснить мотив преступления. По итогам исполнения проведём совещание сегодня в восемь вечера. Предупреждаю, что за неисполнительность будем привлекать к дисциплинарной ответственности. Майор Сорокин, распределите людей, я возвращаюсь в Москву. За делом закреплена группа оперативников областного ГУВД, нужно поставить им задачи, – договорив, Зинченков поднялся.

За ним неуверенно поднялись ошарашенные начальственным напором участники совещания.

Зинченков направился к дверям, но вдруг развернулся и продолжил:

– Прошу всех следить за своим поведением и поменьше болтать. Прославили отдел на всю Россию. Уже в интернете ехидничают, что в Следственном комитете жокеи завелись, а вместо рысаков – полицейские.

– В каком это смысле? – растерянно протянул Сорокин.

– В самом прямом, товарищ майор, откройте интернет, полюбуйтесь, – отрезал Зинченков и вышел.

Все так и стояли столбами, один Сорокин побежал к компьютеру и через мгновения начал бешено материться. Тогда все сгрудились за его спиной, и Игорь к своему ужасу увидел на экране вчерашнюю переправу через лужу верхом на полицейском сержанте. На служебном жилете Игоря явственно читалась надпись: «Следственный комитет». Это паршивые репортёры всё-таки отомстили за своё унижение.

Когда Сорокин утих, все, вздыхая, опять расселись за столом. Игорю Сорокиным была обещана весёлая жизнь и соответствующая нелестная аттестация. Потом Сорокин всё же переборол эмоции и нарезал задачи. Величко выпало повторно осматривать лес, Дементьевой и Белову устанавливать круг знакомств убитого, Горячкину и Петровой писать план расследования и постановление о создании группы, а Игоря послали задерживать и обыскивать Иванова.

Под ворчание коллег, в растрёпанных чувствах, и жалея себя за невезучесть, Игорь отправился к себе в кабинет и машинально собрал нужные бланки для задержания и обыска. А потом по телефону уговорил Куницына помочь и стал дожидаться полицейскую машину.

Игорь проработал следователем уже почти год. Случалось, его поругивали за ошибки. Это необидно, потому что ошибки он, иногда по незнанию, действительно совершал. Но сегодня незнакомый чужой человек, который в строгом смысле и начальником им не был, беспартийно распоряжался ими, унизил на глазах у всех Сорокина, да и над Игорем с этой переправой через лужу едко поиздевался.

Пускай этот полковник супер-следователь, пускай заслуг у него выше крыши, но видеть в своих коллегах из райотдела пешек, а тем более подчеркивать своё к ним пренебрежение, это как-то некрасиво. Сослуживцев своих Игорь знал. И знал, что при всех человеческих недостатках, они честно работают и добиваются нужных результатов. А может быть, полковник это сделал специально, чтобы как говорят «взбодрить», заставить расшевелиться? Такой тип руководителей Игорю хорошо был знаком по армейской службе. Но всё равно. По отношению, например, к Белову, такой приёмчик выглядел просто непорядочно...

8

Машина приехала быстро. За рулём полицейского «Форда» сидел сам Куницын, ему не терпелось узнать о прошедшем совещании. Рассказ Игоря его огорчил. Куницын бегал в операх уже лет десять, а последний год возглавлял уголовный розыск и прекрасно понимал, что подключение к расследованию «высших» сил, ничего, кроме неприятностей, им не принесёт. Придётся писать кучу бумаг, делать ненужную работу, которая своим объёмом создает у начальства уверенность, что процесс управляем и цели достижимы. А, уж в случае неудачи, то же самое начальство будет свято уверено, что оно все организовало как надо, а дебилы – подчинённые как обычно обделались.

Этими мыслями Куницын, не сдерживаясь в выражениях, поделился с Игорем, и при этом так распалился, что проморгал на дороге несколько колдобин подряд и бедная легковушка, вваливаясь в них по правым, то левым колесом, содрогалась всеми своими сочленениями. От этого Куницын разозлился ещё больше, и, чтобы и дальше не срываться на Игоре, мрачно молчал.

Игорь судорожно цеплялся то за приборную доску, то за ручку на двери, чтобы не удариться головой при резких толчках.

Куницын, заметив это, ухмыльнулся, но поехал медленнее.

Игорь с тоской думал, как он посмотрит в глаза Иванову, когда будет задерживать. В том, что этот дед не лукавил, ему ясно. И тогда, в первый вечер, он был против задержания, и сейчас то, что предстояло, было ему не по душе. Но возразить на совещании при том резком молодом полковнике он не решился и теперь мучился, виня себя в малодушии.

Молчание прервал Куницын:

– Слушай, Игорь, ты осмотр «мерседеса» на стоянке уже делал?

– Не успел, думал сегодня после обеда, да вот новые задачи поставили, – оправдывался

Игорь, – А почему ты спросил?

– Да знаешь, я утречком ещё раз эту тачку обошёл и обнаружил одну интересную штучку. Сзади слева на пластиковом бампере есть дырка, похоже, что от пули, а снизу на металле свежая глубокая царапина. Вот и смекай.

– Женя, выходит, стреляли два раза, и второй выстрел просто по машине, – сообразил

Игорь, – И что из этого выходит?

Куницын поучительно поднял вверх указательный палец и изрёк:

– Выходит, что стреляли сначала в водителя, а потом вдогон машине и попали в бампер. Потому, что представить, что происходило наоборот сложно. Ты, например, представляешь лоха, которому выпалили в корму, а тот остановился, опустил стекло и ждал, пока ему влепят в бок девять граммов?

– Как же мы эту дырку в бампере там, на месте, при осмотре не заметили? – огорчился Игорь.

– Обычное дело, смотрели-то все, в основном, на труп. Трава на полянке по пояс, просто не заметили, хотя это нас, конечно, не извиняет: проморгали, – уже примирительным тоном продолжал Куницын, – но отсюда следует важный вывод, стреляли в машину не на полянке, а на трассе. Сначала в водилу, а потом вдогон и попали в бампер.

– Точно... – протянул Игорь, – и судмедэксперт допускает, что после причинения смертельного ранения Садаков мог совершать активные действия. Например, проехать какое-то расстояние. Но тогда еще один вывод – стреляли не на ходу. Садаков остановился на трассе и опустил боковое стекло. Вопрос: почему он так сделал?

– Тогда итожим, – Куницын рубанул ребром ладони по баранке, – его остановили на трассе под каким-либо предлогом, типа помочь кому-нибудь в заглохшей машине, и расстреляли.

– Или, что похуже, убийца был в форме дорожной полиции, – договорил за Куницына Игорь, поэтому надо постараться найти место нападения на трассе.

Выговорившись, оба замолчали, а между тем на дороге показался поворот с указателем «Стеблево». Туда и повернули.

9

Дорога к деревне была мало пригодна для современного транспорта с низкой посадкой. Несколько раз по днищу зловеще проскрежетали выступающие из дорожного полотна непонятные глыбы. Но обошлось. В самой деревне пошло полегче. Там колея пролегла просто в песке.

Куницын спросил у проходившей женщины, где живёт Иванов, та молча ткнула рукой в крайнюю избу и заторопилась прочь. Куницын крикнул с досады на такое, скажем мягко, хам...дамское поведение и направил машину к калитке Иванова.

Игорь и Куницын выбрались из салона, распрямляя спины, затекшие от долгой дороги, и подошли к ограде. Куницын профессионально высматривал, нет ли собаки. Он уже не раз убеждался, что слова «полиция» и красная книжечка на псов не всегда действуют и иногда это приводит к печальным инцидентам, свидетельством чему были два шрама на его левой голени. Но собаки не было, и Куницын сразу успокоился.

Зато имелись кошки. Одна взрослая и по бокам два котенка сидели как изваяния на крыльце и рассматривали приезжих. Игорь успел их заметить, но потом взглянул под ноги, чтобы не споткнуться на неровной дорожке, а когда поднял глаза, никакой живности на крыльце уже не наблюдалось. Маленькая стая бесшумно растворилась в густых кустах, обступающих дом.

Небольшой домик, явно почтенного возраста, недавно умело подновили. Нижние звенья брёвен светились свежей древесиной и опирались на высокий бетонный фундамент. Свежевыкрашенные охрой оконные наличники ярко выделялись на серо-серебристых простых бревенчатых стенах и подчёркивали сочную зелень обступающих дом кустов и деревьев.

Куницын, шагая к дому, мимо кустов чёрной смородины, теснящихся к дорожке, не преминул направить в рот горсть спелых ягод. Он постучал в окошко и, поднявшись на крыльцо, громко крикнул внутрь дома через приоткрытую дверь:

– Хозяева есть?

Никто не ответил, тогда Куницын, положив для верности, правую ладонь на пистолет, висящий на широком поясе в кобуре, состоящей всего из двух ремешков, и за это прозванной среди полицейского люда «босоножкой», шагнул внутрь.

Игорь ждал его снаружи. Куницын быстро вышел и, наклонившись к Игорю, прошептал:

– Слушай, никого нету, но вещи разбросаны и на полу, похоже, капли крови. Чего-то здесь не так. Давай к соседям.

Они вернулись к калитке. Рядом с милицейской машиной уже стояла невысокая бабушка в белом платочке и солдатской камуфляжной куртке. Синие спортивные штаны с белыми лампасами она заправила в шерстяные домашней вязки носки, а на ноги нацепила глубокие галоши, какие любят носить в Средней Азии. Из-под толстых стёкол очков местная жительница внимательно рассматривала непрошенных гостей.

Поодаль настороженно сидел здоровенный кобель, в предках которого явно числились волкодавы.

Куницын при виде пса притих и держался позади Игоря, который поспешил представиться.

– Вы документы свои покажите, – потребовала бабушка и протянула руку, в которую правоохранители вложили два удостоверения. – Понятно, кто вы такие, – документы возвратились к хозяевам. Безо всякой паузы она продолжила:

– Значит так, нонеча утром, в десятом часу, сюда, к дому, подкатила машина. Городская, чёрная. Назади колесо довешено. Вышли двое молодых, морды наглые, сами стриженные коротко, прямо как бандиты из сериала. Ну, прошли в дом к Петровичу. Тихо всё было. Полчаса не прошло, они из дома выбежали, в машину сели и укатили. Я на грядках копалась,

не знаю сколь времени прошло, только слышу Муська, это у Петровича кошка, как-то истошно мурлычет, ну я и пошла глянуть. А Петрович в доме на полу, сам в крови и без сознания, а кругом все его вещи разбросаны. Я скорее к Матвевне, это соседка наша с той стороны. Позвонили в скорую, правда они быстро приехали, и Петровича забрали. Вот и всё.

– А больше ничего не заметили? – робко поинтересовался Куницын.

– Номер машины ихней: 153 ТАМ, – а больше ничего такого.

– Вам спасибо, – начал Игорь, – но нам нужно осмотреть дом, а вас я хочу допросить как свидетеля. Вы попросите Матвевну и ещё кого-нибудь прийти, нам понятые понадобятся. Дом мы потом опечатаем, только вот кошек куда девать?

Бабушка принимала решения с ходу:

– Матвевну и ещё кого я щас кликну, а котов покормлю, не сомневайтесь. Сейчас не зима, что им будет.

Через час Климов и Куницын уже ехали обратно. В доме ничего не обнаружили, правда, Куницын незаметно прихватил из чулана пару бутылок без этикеток. Что, конечно, не нашло отражения в протоколе. На вопросительный взгляд Игоря, Куницын таинственно поделился:

– Для опытов.

Над кем будут эти опыты, уставший Игорь даже не поинтересовался.

По дороге Куницын рассказал, что созвонился с райотделом. Действительно в начале двенадцатого был вызов скорой. Иванова доставили в райбольницу. Подозревают перелом основания черепа, ну и два ребра сломаны. Он в реанимации, после снотворного спит. Разговаривать сможет только завтра.

Куницын как-то нехорошо усмехнулся и вдруг сказал:

– Знаешь, парень, если Иванова отбуцкали по нашему делу об убийстве, то жди ещё всякого дерьма. Кто и как мог узнать, что Иванов нашел «мерседес» с трупом, и где он сам живет? Причем, считай, за одну ночь. Знали о нём только ты и я. И потом, что такого ценного было в машине и пропало, раз начали калечить людей? Скажи ты мне это.

От слов Куницына всякая усталость у Игоря улетучилась, мозги заработали. Он сразу попробовал найти хоть какое-то объяснение:

– Может это совпадение? Избили за что-то другое. А вещи перевернули, так может деньги или ценности искали?

Куницын зло посмотрел на Игоря:

– Как же «совпадение». Ты тоже скажешь. Братки на крутой тачке в деревне пенсионера грабят? А отлупили, потому что самогонка не понравилась? Ты сам-то веришь? Какие у него ценности могут быть, у деда? Кстати, номер машины этих гопников в информационных базах не числится, что тоже странно.

– Ты прав, конечно. Иванова жалко. Правда, сейчас уже сидел бы ИВС, все лучше, чем в реанимации. Только тогда грех был бы на моей совести, – печально согласился Игорь.

Куницын вздохнул:

– Это так, много чего у нас на совести. Иногда подумаешь, а не послать ли подальше эти заморочки, идти вон в охрану или трамвай водить. Только знаешь, когда вижу сколько тварей людям жизнь портят, понимаю: на дембель мне пока рано.

Игорь согласно покивал, а потом предложил:

– Женя, давай проверим твою версию, что стрельба была на трассе, все равно до совещания времени навалом.

Куницын кивнул:

– А давай, хоть сами убедимся, правы мы или нет. Сейчас в сторону Москвы встанем, там, на развязке развернёмся и потихоньку поедem к Калашину, повыбираем место для засады. Ну, от винта...

Так и поступили. Самое удобное место для нападения обнаружилось за полкилометра до поворота на полянку. Здесь шоссе, плавно поднимаясь, огибало раскинувшийся справа высокий лесистый холм. Значит, движение любой водитель невольно замедлял, и для тех, кто ехал бы навстречу, из-за изгиба дороги ничего видно не было бы.

В начале подъёма Куницын поставил на краю дороги свой «Форд» в полицейской раскраске, и для гарантии, дополнительно включил аварийную сигнализацию. Нужно было максимально обезопаситься от возможных лихачей.

Они оба побрели по обочине, выискивая возможные следы. Дело облегчалось тем, что после весны обочину и откос отсыпали песком, который ещё не успел зарастить сорняками.

Метров через пятьдесят обнаружилась истоптанная площадка со следами обуви и правых колёс автомобиля. Но песок здесь оказался насыпной и сухой, следы не отпечатались, а сохранились просто в виде ямок и желобков. Такие для идентификации использовать невозможно, зато там же лежали три довольно свежих окурка от сигарет «Мальборо».

Игорь начал фотографировать площадку на камеру мобильного телефона, а потом собрал в три полиэтиленовых пакетика окурки, аккуратно, не прикасаясь пальцами, а просто подцепляя краем пакетика. Это, с учетом возможностей генетической экспертизы, могло стать решающим доказательством. Игорь внутренне ликовал.

В таких делах, если везёт, так уж везёт – Куницын, ушедший ещё метров на двадцать вперед, тихо посвистел и махнул рукой, приглашая посмотреть. Игорь, подбежав к нему, на самом краю асфальта увидел расплюснутую колесами проезжавших по этому месту автомобилей гильзу от девятимиллиметрового патрона. А на песчаной обочине осталась бороздка от колес машины. Вот значит, где напали на Садакова.

Но и это ещё не всё. Чуть сзади на песчаном склоне откоса глазастый Куницын углядел вторую гильзу. И она была целехонька. Игорь такими же пакетиками подцепил оба вещдока. Генетические следы могли остаться и на них, но, главное, можно теперь подключать федеральную пулегильзотеку, а там точно скажут, засветился ли раньше экземпляр пистолета, в котором гильзы отстреляны.

Куницын, лицо которого просто порозовело от гордости за подтвердившую версию, протянул Игорю руку. Тот её с чувством пожал, его самого распирало.

– Ты смотри, Игорь, – Куницын параллельным взмахом рук обозначил кусок обочины, – предположим здесь остановился Садаков и опустил стекло на передней левой дверце. Убийца стоял на дороге, лицом к Садакову, и выстрелил. Гильза из ПМ выбрасывается направо вверх и чуть назад, поэтому падает на проезжую часть. Там её расплюсчивает чьё-нибудь колесо и отбрасывает к обочине, где мы её и нашли. Садаков сразу не умирает, даёт по газам и срысывается с места. Убийца делает вдогон ещё один выстрел. Но стоит он теперь правым боком к обочине, и гильза улетает на откос. Ну как тебе?

Игорь только развёл руками:

– Элементарно, Ватсон. Только теперь скажи: на фиг Садаков здесь остановился? И почему убийца, у которого наверняка есть машина, Садакова не догнал и не добил?

Куницын задумался только на минуту:

– Почему остановился Садаков? Точно сейчас не скажу, но может ты и прав был, когда говорил про форму дорожной полиции. А насчёт догнать, может поехал следом и догнал на той полянке. Увидел, что Садаков мёртв, забрал, что хотел, и смылся. Устраивает такой расклад?

– Иванова тогда за что избили и обыскивали? – развёл руками Игорь, – что-то тут не срассается.

– Поработаем, срассётся, – заверил Куницын, – давай в машину, а то опоздаешь на своё совещание. Слушай, может, придержишь пока информацию про гильзы? Мне после истории с Ивановым стало неудобно.

Игорь покачал головой:

– Такой вариант не катит, меня потом просто повесят и будут правы. Да и с чего ты взял, что это у нас течёт информация?

– Ладно, не заводись, поехали. Но баллистику по гильзам и пуле из трупа назначай сегодня же, я дам человека, и материалы сразу отвезут экспертам в Москву, – посулил Куницын.

– Постараюсь, но я просто в составе следственной группы. Экспертизы назначает только её руководитель, но попробую убедить, ты, кстати, попозже заскочи, я протокол осмотра составлю, чтобы ты тоже подписал, – неуверенно сказал Игорь.

– Ладно, – согласился Куницын, – а я у себя ещё раз промотаю все записи с дорожной камеры за позавчерашний вечер, поищу нашего злодея.

Больше в дороге они не разговаривали, думая каждый о своём. Игорь старался в уме скомпоновать свой доклад на предстоящем совещании, понимая, что никакой информации в складывающейся ситуации ему утаивать нельзя.

10

За пять минут до начала совещания следотдел, на этот раз в полном составе, сидел за длинным столом. Озабоченный Сорокин судорожно переключался из папки в папку свои бумажки.

Ровно в восемь позвонил Зинченков и сообщил, что не приедет сам, но проведёт совещание по конференцсвязи.

Сорокин с готовностью произнёс:

– Да, да... – и включил внешний микрофон, расположив телефонный аппарат ближе к центру стола.

Строго говоря, закрытых от внешнего проникновения линий связи в отделе не установили, и предстояло общаться в открытом эфире. Все тайны следствия становились общедоступными. В тот момент это никому в голову не пришло, все уставились на телефон Сорокина как кролики на удава, ожидая неприятностей.

Но сначала шло гладко. Доложили, что материалы расследования систематизировали (Горячкин просто сложил всё в одну папку), это было Зинченковым одобрено.

Проект плана расследования на пятнадцати листах подготовили, и Зинченков попросил переслать его по электронной почте для изучения и утверждения. То есть этот пункт высочайших заданий тоже проехали благополучно.

Затем наступил черед Белова и Дементьевой. Они успели в Москве поработать в компании, возглавляемой Вишневецким, и доложили, что личное дело Садакова изъяли и теперь изучают. Кроме того, они разговорили нескольких сотрудников, и выяснилось, что он женился несколько лет назад, у него есть маленькая дочь. Но жена и дочь постоянно проживают в Испании, где у него какая-то недвижимость. Сам он туда регулярно летал. Значит, Вишневецкий либо этого не знал, либо соврал. О характере работы Садакова пока сведения самые общие, но продолжаем работать. Адреса московской квартиры и подмосковной дачи имеются, материалы на обыски в этих объектах передали в суд, завтра ожидается разрешение. Зинченков и этот доклад воспринял благосклонно и даже сдержанно похвалил за старание.

Дальше пошло труднее. Петя Величко постарался многословьем скрасить невесёлые результаты повторного осмотра полянки и даже начал рассказывать, какой окрас был у служебно-розыскной собаки.

Зинченкова это не умилило, и он жестко спросил, что собственно удалось обнаружить. Сказать «ничего» оказалось выше Петиных сил, и он промямлил, что на опушке, при помощи металлоискателя в земле обнаружили обойму с пятью патронами от немецкой винтовки «Маузер», но тут же добавил, что это явное эхо войны, и к убийству Садакова касательства не имеет. Зинченков неожиданно вспылел, сказал, это ему решать, что именно имеет отношение к делу, и потребовал срочно назначить по этим патронам судебно-баллистическую экспертизу. А Пете велел назавтра продолжить осмотр, расширив зону поисков. Петя только кивнул головой сорокинскому телефону.

Наступил черед Игоря. Его сообщение, что Иванов в больнице, а не за решёткой, и в доме его никаких зацепок нет, окончательно вывело Зинченкова из себя, он начал орать:

– Климов, это вы некачественно осмотрели место происшествия, вы проявили неоперативность и не задержали Иванова в первые сутки, вы отпустили Вишневецкого без подробного допроса. Просто вы не созрели для самостоятельной следственной работы. Ваши огрехи теперь разгребать всему отделу. Так дело не пойдёт, объявляю вам замечание. Если не сделаете выводы, будете исключены из состава следственной бригады. Понятно?

– Так точно, – четко артикулируя рывкнул Игорь, который по армейскому опыту знал, что при прилюдных начальственных разносах перечить бесполезно, только раззадоришь. Пытаясь

сгладить ситуацию, Игорь начал было докладывать, что при осмотре участка автодороги обнаружены две гильзы и три окурка, которые возможно связаны с преступлением и необходимо назначить генетическую и баллистическую экспертизы...

– Сорокин, этот осмотр дороги на сегодня запланирован? – прогремел Зинченков, и, получив отрицательный ответ, продолжил, – вы не контролируете своих следователей. Они вместо целенаправленной работы у вас окурки вдоль дорог собирают. Этим можно годы заниматься у нас в России. Там чего только не найдёшь, и гильзы в том числе. Дорожные хамы палят из травматика, а твои следователи потом подбирают их гильзы и натягивают корову на баню. Всё, тему закрыли. Буду докладывать старшим, что с организацией у вас в отделе есть проблемы, пусть решают. О проделанной работе представлять мне в конце дня письменный отчёт с указанием, что и кем сделано. Отчеты направлять на мой факс. Всё ясно? Вопросы есть? Завершаем совещание.

Зинченков отключился.

Сорокин осмотрел коллектив и рявкнул:

– Все свободны и ты, Климов, скройся с глаз моих.

Участники совещания, торопливо собирая со стола свои записи, потянулись к выходу.

Ушёл и Игорь. Сгоряча и от обиды он сразу не сообразил, что, по сути сейчас из-за нервозности начальства отвергнута самая рабочая версия убийства. И выглядит его успех, а он уверен, что это успех, каким-то глупым мальчишеским самовольством.

Спустившись на первый этаж, он увидел, что Белов стоит у дверей своего кабинета, который был через один от кабинета Игоря и пытается открыть ключом дверь.

– Что Иван Иванович, проблемы? – поинтересовался Игорь.

– Да никак не прилажусь к новому замку, заедает что-то, – отвечал Белов, но в этот момент замок щёлкнул и дверь отворилась.

– Давай заходи, покурим, чаю выпьем, если не торопишься, – пригласил Белов.

Игорь, которому невольно было оставаться без собеседника, легко согласился, и пошутил:

– А куда мне торопиться?

– Ну, в твои годы лучше всего на свидание, или не к кому? – лукаво поинтересовался Белов.

– Есть к кому. Только ехать надо в Москву, а с новыми требованиями насчёт работы в субботу, придется отложить, – пожаловался Игорь.

– Да это ненадолго. Спадёт ажиотаж и съездишь. Слушай, как говорится, чай пьют богатые люди, давай лучше по рюмашке?

– А, давайте! – Игорь уселся было напротив Белова, но почувствовал, что сидеть так неудобно.

Белов испытующе посмотрел на Игоря:

– Ну, что, сообразил в чём дело?

– Да, по правде, не очень.

– Да просто всё. К моему письменному столу торцом приставлен простой канцелярский, а у них одна из длинных сторон глухая, забрана сплошной панелью. Развёрнута она влево и стул возле неё стоит. На него ты и уселся, и почувствовал, что сидеть можешь только прямо, не развалишься на стуле и не повертишься особо, а если что-нибудь написать или подписывать, нужно изогнуться влево, а всё это создает неудобство. Окно у меня за спиной и мою мимику ты плохо видишь, а тебе весь свет в лицо. Дверь у тебя за спиной, и нужно оборачиваться, чтобы посмотреть, кто вошёл. Дискомфорт, если хочешь.

– А зачем всё это?

– Ну, молодежь, всему вас учи. Сам посуди. Свидетель, он разный бывает. Одного разговорить надо, помочь ему вспомнить детали. Тем более удовольствия от визитов к нам никто

не испытывает, и бывает это с большинством разок в жизни. Для такого свидетеля я стул размещаю справа, ноги он под столом расправит, дверь у него перед глазами, то есть никаких неожиданностей. За спиной стена, как своего рода опора, свет от окна в глаза не бьёт. И я не нависаю напротив, а как бы со стороны его поддерживаю. Ну и водички предложу, от нервов-то глотка пересыхает, если кто курит, тому закурить. Глядишь, и результат будет. Человек к тебе проникается, с ним, может, никто так давненько по душам не разговаривал. Люди это ценят, и в суде потом со своих показаний не спрыгивают. А если припёрся козёл, который будет всеми силами злодея отмазывать, тому стул слева, со всеми вытекающими. Я ещё умышленно, в начале разговора, в его адрес какую-нибудь колкость подпускаю. Он ершиться начинает, и со своих заготовок сбивается. Мне того и надо, пишу за ним коротко, сухо, вопросы неудобные записываю, глядишь он своей цели и не достиг. Так-то брат. Видишь, у меня в кабинете один только стул не занят? На других папки, коробки, короча, барахло. Это не от неряшливости, а просто расчёт, тактика, если хочешь. Чтобы сидел пациент там, где я желаю.

– Ну и дела. У вас целая философия выведена.

– Не философия, нет. Это называется профессия. Или ты владеешь этим, или нет. Ладно. Не на лекции пришёл. Переставляй стул направо и сбегай к умывальнику, вот эти рюмки ополосни.

Из выпивки у Белова нашёлся дагестанский коньяк, из закуски домашние бутерброды с толстым слоем масла и докторской колбасой, горсть конфет «Му-му» и пара малосольных огурцов.

Первую, чокнувшись, выпили молча. Белов сразу разлил по второй, и, примолвив:

– За тех, кого нет, – опрокинул рюмку.

Игорь, с голодухи откусивший полбутерброда и не успевший его прожевать, чуть не подавился, но со второй рюмкой кое-как справился.

– Вот смотри, – начал Белов, – с детства помню, как родители собирались за столом, сам всю жизнь прожил и выпивал в компаниях, но не было того, чтобы перед рюмкой речи говорили. Ну, бывало на юбилей или, не дай Бог на похоронах, кто-то подлинней скажет, а так произнесут «за здоровье», да и накатят. А теперь, как в парламенте, от сотворения мира тосты произносить начинают, друг другу восхваляют. Пусть и неискренне, но так принято стало, почему-то.

– Не знаю, я тогда не жил, – уклонился Игорь.

– Да ладно, проехали, давай следственный тост: «За успех нашего безнадёжного дела!»

– Почему безнадёжного? – не понял Игорь.

– Говорится так. Не нами придумано, не нам и менять. Пей, давай! – отрезал Белов.

Немного захмелев после третьей, Игорь заявил, что неправильно себя ведёт этот полковник, убийство они сами раскроют. Хоть и не хотел хвастаться, но про свои подвиги с Куницыным, не удержался, рассказал.

Белов, внимательно слушая, наклонил набок голову с аккуратным пробором, нахмурил седые брови и, не моргая, смотрел на Игоря, дожидаясь, когда тот выговорится. Дождавшись, кивнул головой:

– Правильно вы с Куницыным действуете. Ты сам держись, на эти истерики вождей не поддавайся. Я тебе сам это хотел сказать, но ты опередил. Давай теперь за тебя выпьем...

11

В это же время в неприметном особнячке, который спрятался за глухим забором в одном из изгибов старого московского переуллка, офисная жизнь шла полным ходом, словно стрелки вычурных авангардистских часов в холле приближались не к полуночи, а к полудню.

Кондиционеры работали на максимуме, но раскаленный город щедро отдавал накопленный за день жар, и техника не очень выручала. Несколько молоденьких деревьев перед входом защитой служить не могли

Белые рубашки клерков в подмышках потемнели от пота. У многих проступила щетина. Аккуратные поутру мужские и женские прически несколько растрепались. Кофейные автоматы и кулеры с питьевой водой давно иссякли. Шел пятнадцатый час работы.

Аврал начался после обеда, но конца и края видно не было. В помещении кассы закрылись финансовый директор и главный бухгалтер, но что они там делали, скрывала коммерческая тайна.

Столоначальники осипшими голосами формулировали всё новые и новые задачи.

Кипы документов стаскивали к нескольким шредерам и превращали в бумажную лапшу. Бумагожевалки захлёбывались этим потоком и, под матюги референтов и менеджеров, аварийно выключались.

Офисные дивы неумело соскребали ножницами наклеенные на картонные папки листочки с названиями счетов и проектов и полученные лохмотья аккуратно складывали в общую кучу.

Всю макулатуру упихивали в черные пластиковые мешки, которые охранники волоком утаскивали в вестибюль. Ожидалось прибытие особо заказанного большегрузного мусоровоза.

Словом, производственный процесс был в разгаре.

На втором этаже за плотно закрытыми дверями кабинета Черкасова атмосфера была иной. Отдельная система кондиционирования позволяла не думать о том, сколько градусов снаружи. Здесь стабильно поддерживалось 22 градуса Цельсия и нужная влажность. Содержимое личного сейфа Черкасова накануне перевезли в более надёжное место. Демонтировали и вывезли коллекцию старинного оружия, пока просто на дачу.

Оставалась удобная кожаная мебель, телефоны, большой в полстены телевизор и загруженный напитками бар. Черкасов полулежал в кресле. Ему оставалось ждать полного завершения работы там, внизу.

Нажав кнопку селектора, Черкасов проговорил:

– Соедини с финансовым директором.

Секретарша, работавшая с ним не первый год, действовала быстро и через несколько секунд сообщила, что тот на линии.

– Как у вас обстановка? – поинтересовался Черкасов.

– Всё по плану Валерий Анатольевич, скоро завершаем.

– Ты, вот что, всем кто внизу, включая охрану, как закончат, выдай премию по месячному окладу и объяви выходные на неделю. Не надо, чтобы в здании лишние болтались. Сколько денег придётся вывозить?

– Очень много, Валерий Анатольевич. В банке договорились, они будут ждать.

– Я же предупреждал, не копите в кассе, сбрасывайте ежедневно.

– Мы так и делали, но за два дня большие транши пришли, не успели с ними закончить, вот сейчас и крутимся...

Черкасов прервал разговор и поудобнее лёг в кресле, готовясь к долгому ожиданию.

Секретарша сообщила, что приехал Гапоненко. Черкасов разрешил его пропустить в кабинет и пересел к столу.

– Здравствуй, Сергей! Чем порадуешь? – с иронией в голосе произнёс Черкасов.

– Здравствуйте, Валерий Анатольевич! Кое-что выяснилось. В этом Калашине пришлось выходить на криминальных авторитетов, иначе было бы не так быстро. У братков свои люди в полиции и в следствии. Поэтому за помощь пришлось прилично забашлять. Но оно того стоит. Труп нашли в «Мерседесе», в лесу. Одно огнестрельное ранение. Ни документов, ни флешкарты менты не находили и не забирали. Местный дед, который машину нашёл и ментов вызвал, с утра за грибами намылился, ну и наткнулся. Если бы не он, может машину ещё долго искали. Там хоть дорога и рядом, но место глухое. К деду сгоняли наши ребята, но он говорит, что ничего не брал, и дома у него ничего нету.

– Что с дедом?

– Живой, но в реанимации. Ребята перестарались.

– Он же очухается и их сдаст с потрохами.

– Всё тихо будет. Он их не знает и номера на тачке висели левые.

– Ты сейчас по первому этажу проходил?

– Да Валерий Анатольевич.

– Видишь, на что приходится идти из-за этого гада Садакова. А если у него сохранилась электронная копия основных документов и схем сделок, то все наши ужимки и прыжки – бесплатный номер.

– Валерий Анатольевич, если уничтожены сами документы с печатями и подписями, нам ничего не предъявишь.

– Дурак ты. Зная даты и суммы проводок, их через суд из банков вытащат. Да и не прокуроров я боюсь. Знаешь же какие люди над нами. Они нам такой шухер не простят. Большие бабки любят глубокую тень. Если узнают о наших заморочках, башку снесут. Ты как думаешь, куда флешка делась? Ведь не выбросил он её в конце концов.

– Конечно, не выбросил. Она таких денег стоит. Квартиру его ребята аккуратно вскрыли и обшмонали. Всё чисто, никаких тайников. Спрятал где-нибудь в «Гелендвагене». Поэтому менты и не нашли. Да они флешку и не искали, они про неё и не знают.

– А где сейчас машина?

– У ментов в отделе, на стоянке.

– Надо бы, Сережа, чтобы никто уже ничего в этой машине найти не смог. Уразумел?

– Понял, сделаем Валерий Анатольевич.

– И ещё, ищи у нас, кто Садакову информацию слил, найди где дыра. Давай, действуй.

Гапоненко вышел из кабинета и быстро спустился на первый этаж. Работа там, по-прежнему, кипела. У входных дверей уже раскорячился огромный мусоровоз, в который начали заталкивать чёрные мешки. Гапоненко впритирку к дурно пахнущему борту протиснулся к своей машине, и коротко сказал водителю:

– Гони в Калашин.

Глава 2

1

Руководитель Калашинского следственного отдела Сорокин позвонил Игорю около пяти утра. После вчерашней выпивки с Беловым Игорь соображал туго и никак не мог понять о чём толкует Сорокин. Тот уже разозлился и рявкнул в трубку:

– Машина твоя сгорела, так твою мать, давай живо в полицию!

– Да у меня машины нету, вы чего?

– «Мерседес» изъятый сгорел на стоянке, чего непонятного, давай быстро сюда, ждём, – Сорокин отключил мобильник.

Игорь выругался, но начал поспешно натягивать джинсы. Через пятнадцать минут, стараясь перебить перегар фруктовой жвачкой, Игорь подошёл к райотделу полиции.

Пламени уже не было. От остова автомобиля валили клубы серого дыма, а может уже и пара, потому, что вокруг были большие лужи. Трое пожарных скатывали жёсткие брезентовые рукава и отгаскивали их к пожарной машине.

«Гелендваген» опирался теперь на колесные диски и поэтому стал ниже ростом. Резина колес выгорела дотла. Вся краска сошла, стекла полопались, внутри салона сохранились только металлические остовы кресел. От всего бывшего великолепия исходил тяжелый запах гари.

Остальная техника на площадке стояла поодаль и от огня не пострадала.

Игорь направился к стоящим в стороне Сорокину и начальнику полиции Кустову и, понимая, что открывать рот не стоило бы, всё-таки спросил:

– Что случилось?

– Тебя нужно спросить, машина по твоему делу проходит, – зло ответил Сорокин.

– Всяко могло случиться, – примирительно заговорил Кустов, – может аккумулятор коротнул, или разряд статического электричества, а может – молния.

– Или просто инопланетяне лучом стрельнули, – язвительно продолжил Сорокин, – небось твои раскулачить хотели тачку, ну и курили нервно при этом.

– Ну, вряд ли. В эту ночь дежурил Ковтун, он клянётся и божится, что всю территорию контролировали. Да и собаку тут прикормили, тьякает на каждого, надо и не надо. Услышали бы.

– Видеонаблюдение есть? – напирал Сорокин.

– Есть, конечно. Но камеры нацелены на входы. Я смотрел. Ничего на них нет.

Все помолчали. Сорокин в утренних лучах солнца получше рассмотрел Климова, оценил его помятость после вчерашнего, но не смягчился и велел ему делать осмотр места нового происшествия. Сам он отправился в кабинет к Кустову, где ему был предложен утренний кофе.

Игорь машинально начал осмотр, шагами измерил расстояние до забора, в разных ракурсах сфотографировал останки машины на мобильный телефон, а потом решил получше изучить саму ограду. Металлическая сетка, натянутая на высоких бетонных столбах, превышала человеческий рост. Вдобавок, поверху шла спираль колючей проволоки. Называлась она «егоза». Официальное это название, или фольклор, Игорь не знал, но с самой «егозой» познакомился ещё в армии, не раз изодрав на ней казённые камуфляжные брюки.

Пройдя вдоль всего периметра, никаких повреждений в ограждении он не обнаружил.

Вдруг в кустах, окружающих площадку с внешней стороны, Игорь боковым зрением приметил слабое движение. Он подбежал вплотную к сетке забора, чтобы рассмотреть, что это.

Среди ветвей низкорослой ивы висели два давешних репортёра. Один ухитрился одновременно держаться за ствол и вести съёмку тяжелой профессиональной видеокамерой, а второй, забравшись ещё выше, в театральный бинокль пытался рассмотреть пожарище.

Игоря репортёры узнали и вежливо поздоровались. Тот недобро молчал, рассматривая их в упор. Почувствовав неловкость, сидящий повыше труженик голубого экрана развязно спросил Игоря, что это с утра у ментов сгорело.

Игорь ответил грубо:

– Что надо, то и сгорело. Вам-то, что не спится?

– Работа такая, – в один голос поведали репортёры.

– Хороша работа, людям гадости устраивать. Надо мной весь отдел смеется из-за ваших съёмков, – вспомнив пережитое унижение, посуровел Игорь.

– Ну, извиняйте, так получилось. Ничего толкового вы нам заснять не дали, а так мы хоть отметились, что на месте преступления побывали.

Судя по их тону никаких угрызений совести, они не испытывали.

– Ну ладно, мотайте отсюда, – приказал Игорь.

– А это общественное место. Нам по закону никто запретить здесь снимать не может.

Игорь не нашёлся, что ответить. Но подмога примчалась неожиданно. Мимо Игоря шмыгнула маленькая пятнистая собачка, протиснулась под сеткой, подскочила к стволу ивы, упёрлась в него своими кривыми лапками и залиvisto залаяла. Репортёры всполошились.

Игорь, не знавший, как зовут собачонку, подбодрил её:

– Давай, давай, ату их, возьми! Фас!

Больше никаких слов на собачьем языке Игорь не знал, поэтому удовлетворился своей местью и вернулся к сгоревшей машине, наплевав на стенания репортёров.

Надо было постараться хотя бы предположительно установить причину пожара.

Углубясь в раздумья, Игорь не заметил подошедшего Куницына. Тот был на удивление оживлён и весел.

Хлопнул Игоря по плечу:

– Ну, что родимый, вспомнил, как дядя Женя вчера говорил, что нахлебаемся ещё, по самое здрасте? Кого это ты собаками травишь?

– Кого надо, – буркнул Игорь. С недосыпу и с похмелья трепаться не хотелось.

Куницын, поняв его состояние, взял Игоря под руку и повлёк в свой кабинет отпаивать чаем.

Казенную скукоту кабинета Куницын скрасил парой икон и здоровенным настенным календарём с пляжным фото полуобнажённых девиц трех разных рас. Игорь невольно загляделся на календарь. И захотелось моря, обжигающего песка, свободы и всего того, что может этому сопутствовать.

– На море охота, – неожиданно для себя признался Игорь, вспомнив единственную поездку с родителями и братом в Геленджик.

– Молодой ещё, съездишь, – весело утешил Куницын.

Его хорошее настроение не проходило и начинало передаваться и Игорю. Чему способствовала ёмкая фаянсовая кружка умело заваренного Куницыным сладкого чая. Игорь постепенно приходил в равновесие. Вчерашние слова Куницына о предстоящих неприятностях оказались пророческими. За всей цепочкой событий явственно ощущалась чья-то воля, причём злая воля, направленная на причинение боли и разрушения.

Игорь вдруг сообразил, в чём необычность совершённых в эти дни преступлений. Ну ладно, кто-то пока неизвестный совершил убийство. Скорее всего по заказу. Ну, получи ты свои деньги и скройся. Сиди тихо в надежде, что не выйдут на тебя. Но тут картинка другая. Мало, что убили человека. На другой день искалечили в общем-то постороннего мужика, чья вина только в том, что он обнаружил труп. Дальше больше: сожгли машину убитого. Продол-

жают мстить? Глупо мстить покойнику. Явно у того, кто за всем этим стоит, есть своя цель. И убийство Садакова только шаг к ней. Вопрос в том – добился этот некто своего? Или ждать новых сюрпризов?

Игорь рассуждал про себя, молча, но, когда поднял глаза на Куницына, понял, что тот думает так же.

– Ну и где теперь рванёт, чего ждать? – Игорь, допив чай, решительно отодвинул бокал.

– Для начала нужно поговорить в больнице с Ивановым, может, память ему не отшибли. Ты всё-таки придумай, как загнать на экспертизу окурки и гильзы, зря что ли мы корячились, искали? С Беловым перетри, он мужик ушлый, не только водку пить умеет, подскажет куда плыть.

– Да ладно тебе, – обиделся на намёк Игорь, – разок выпили, весь Калашин знает, что за город такой!

– Успокойся! Сам же мне сказал, чтоб вечером заехать к тебе протокол подписать. Ну, я Лидке вашей, секретарше, позвонил. Узнать хотел, где ты после вашего совещания, она и сказала, что ты с Беловым киряешь. Я Лидку с детства знаю, соседями были. А про город ты верно сказал. Любят у нас посплетничать. Я для смеху пару раз у нас в дежурке просто в пространство выдал несколько придуманных версий. К вечеру весь город их знал и обсуждал. Ты «Гелендваген» так и не успел осмотреть? Ну, всё, бампера сгорели. Ничего никому не докажешь, – потянувшись, Куницын вскочил и, изогнувшись в шутовском поклоне, изрёк, указывая на дверь – Очнитесь, граф, вас ждут великие дела. Давай так, ты в больницу к Иванову, а я встречать опергруппу из областного УВД, они позвонили, что выезжают.

Игорь покорно вышел и поплёлся к районной больнице.

2

Зиночка Дементьева с вечера предупредила шефа, что поедет в Москву, чтобы допросить сослуживцев Садакова. Электричка домчала её на Рижский вокзал в самом начале рабочего дня. Не воспользоваться такой поездкой было бы неразумно, а Зиночка славилась своей практичностью. Поэтому первая половина дня была посвящена магазинам и парикмахерской, в которую она записалась накануне по интернету. Потом она наскоро заскочила к экспертам-бухгалтерам, работающим по одному из её дел, и оставила им для исследования два дополнительных тома кассовых документов.

К обеду отягчённая фирменными пакетами Дементьева прибыла в «Ассоциацию финансового консультирования». Пропуск ей был заказан заранее. Она вознеслась в суперсовременном лифте на двенадцатый этаж стеклянной башни и прошла в приёмную. Дементьеву интересовали не столько формальные сведения об убитом, сколько атмосфера, в которой он трудился. Неисчерпаемый источник такой информации, стильно принаряженный, обитал именно в приёмной и носил имя Надя. Зина уже говорила с ней вчера, а потому встретила её как давняя подруга, только что не обнимались. Надя радостно сказала, что руководства на месте нет и лучше всего беседовать в кафетерии на втором этаже.

Туда и направились. Надя уверенно провела новую подругу между спящих людей по длинным коридорам к другому, внутреннему лифту, который запускался поворотом специального ключа. Надя по пути успевала отвечать на поклоны встречающих и какие-то непонятные непосвященной Дементьевой шуточки.

Провинциалку Дементьеву подавлял этот многоэтажный офис, представлявший ей огромным ульем, в соты которого трудолюбивые офисные пчелки затаскивают медовый прибыток для своих хозяев. Но виду она не показывала, стараясь выглядеть уверенно.

Под чашечку кофе и заварное пирожное разговор потёк непринуждённо. Надя легко рассказывала, что фирма у них большая, но состоит из нескольких независимых проектов.

Основной из них – предоставление аудиторских услуг, поменьше – финансовое консультирование и ещё поменьше юридическое сопровождение.

Главный у них Вишневецкий, только он бывает редко. Всем офисом заправляет Галина Сергеевна Костюкевич, дама крайне строгая. Но она сейчас в командировке за границей. Но это для посторонних. На самом деле у неё очередная операция корректирующей пластики. Ждут её только на следующей неделе. Сам Садаков мужик был невредный. В офис приезжал раза два в месяц. Его главной задачей, как заместителя, было привлечение на договорной основе к финансовому консультированию видных специалистов. Разных там профессоров и бывших крупных работников министерств. Заказчикам такой уровень нравился, и денежных затруднений направление Садакова не испытывало, как и фирма в целом. Конечно, кризис сказался, зарплаты срезали, слава Богу, бизнес остался на плаву, иначе Наде пришлось бы худо. Никаких конфликтов или врагов у Садакова в офисе не было. С Вишневецким он дружил давно, ещё со времён работы в каком-то экономическом НИИ. Его названия Надя не помнила. Садаков несколько лет назад женился. Кто его жена, никто не знает. В кабинете у него стоит фото шикарной блондинки с малюткой, но живьём её видеть не приходилось. Деньги у него водились. Дорогие костюмы, обувь. На руке платиновый «Ролекс», золотой телефон «Верту», словом все атрибуты преуспевания. И что всех веселило, Садаков не пользовался портфелями. Ключи и телефон таскал в карманах. Такая у него была привычка. Документы на совещания возил кто-нибудь из его команды, а тот, если он что-то записывал, складывал лист вчетверо и тоже в карман. У него и сейфа в кабинете не стояло, только компьютер какой-то навороченный и всё.

После кофе поднялись в приёмную, и Зина кратко записала слова Нади в протокол допроса свидетеля.

Надо было ехать на обыск московской квартиры Садакова. Три ключика на колечке Дементьева вчера предусмотрительно получила у Климова. Надя позвонила кому-то, и сказала, что Серёжа, водитель разгонной машины, ждёт у входа. Записав номер Серёжиного телефона и машины, Дементьева поблагодарила Надю, и они распрощались. Расстались подругами.

Серёжа знал адрес Садакова, и быстро привёз Дементьеву к нужному дому на улице Берзарина.

Вплотную ко входу автомобиль подъехать не смог из-за неширокой асфальтированной дорожки, ведущей к дому, который был самой обычной девятиэтажкой, ряд которых тянулся и направо, и налево.

Зина Дементьева, выйдя из машины, начала озираться, высматривая представителя дирекции по эксплуатации зданий. Поскольку у Садакова родственников в Москве не числилось, пришлось заранее по телефону договариваться с ДЭЗом, чтобы прислали своего сотрудника для участия в осмотре квартиры. Там долго упирались, но потом сдались и потребовали прислать формальный запрос, хотя бы по факсу. Это условие Зина выполнила, но никаких официальных лиц у дома сейчас не наблюдала. Пришлось снова позвонить в жилконтору. Там раздражённо ответили, чтобы искала лучше, их Фёдор ушел по названному адресу полчаса назад.

Зина снова осмотрелась и неподалёку в скверике увидела вооруженного граблями невысокого черноволосого мужчину, наряженного в оранжевый жилет со светоотражающими полосками.

– Здравствуйте, вас не Фёдор зовут? – обратилась к нему Дементьева.

– Да, по-русски Фёдор, – расплылся в улыбке тот, – а ты следователь, который письмо посылал?

– Ну да, – рассмеялась Дементьева, – давайте пройдем в квартиру.

В дом вёл замызганный темноватый подъезд. Старый, исписанный местными грамотеями лифт, доставил Дементьеву, Фёдора и Серёжу на пятый этаж. Серёжу она предупредила, что он будет понятым при обыске в квартире, а потом обзвонила все три остальных квартиры на площадке. В одной никто не отозвался, в двух других открыли ветхая старушка и женщина с ребенком на руках. Дементьева назвала себя и попросила быть понятыми. Старушка согласилась, молодая мать заявила, что квартиру они здесь снимают, сами приезжие и ни во что ввязываться не хотят. Но дверь оставила приоткрытой и дистанционно удовлетворяла своё любопытство.

Дементьева в сопровождении Фёдора, Серёжи и старушки подошла к двери, перебирая в руке ключи, из которых к замкам подошли два, третий, судя по размеру, был от почтового ящика.

Мебели в двухкомнатной квартире было маловато. Старенькие шкаф, тахта. Несколько книжных полок с классикой. Два просиженных кресла. На стенах ковры, как было принято и считалось модным лет сорок назад. В буфете пара графинов и набор хрустальных бокалов, тоже из прошлого. Только телевизор новехонький. В крохотном совмещённом санузле поддерживался порядок, но какой-то не домашний, а как в гостинице. Видимо квартирой пользовались редко. Дементьева наугад повывдигала ящики буфета, заглянула в шкаф, потом на кухню. Ни документов, ни ценностей там не хранилось. Короче, ничего интересного для дела в квартире убитого не нашлось. Поэтому протокол обыска вышел куцый и незамысловатый. Фёдор в нём оказался Фаридод, что, по его словам, по-таджикски означает: «Бог дал ангела». Серёжа и старушка чинно расписались внизу листа, и оставалось только запереть и опечатать дверь. Старушка вернулась в свою квартиру, а остальные пошли к выходу. На первом этаже Дементьева на всякий случай проверила почтовый ящик, но тот оказался набит только рекламными

листочками, которые старательные распространители силой впихивали в него. Зина вручила ДЭЗовскому ангелу копию протокола и вернулась в машину.

День заканчивался. Обыск дачи Садакова у Дементьевой был запланирован на послезавтра, поэтому она попросила Серёжу доставить её на вокзал, поблагодарила, и отправилась в родной Калашин. Муж, которому она позвонила с дороги, встречал её на привокзальной площади.

3

Жека беспробудно пил уже третий день. Такого раньше с ним не бывало. По правде сказать, не потому, что раньше он от алкоголя воздерживался, а теперь вдруг запил, просто денег всегда хватало в обрез только на разовую выпивку. Он принципиально пил в одиночку, пьяные компании презирал за бестолковость речей и постоянный чувственный надрыв, который того и гляди обернётся дракой.

А тут повезло. Давно, до дрожи мечтал Жека о богатстве. С детства наслаждался этим выдуманном миром, который принадлежал ему одному и никому больше. Сладким думам о предстоящих покупках он обычно предавался перед сном, когда дом затихал и мать, живущая в своей половине старого, ещё дедовского дома, переставала охать. Своим мечтам Жека старался придавать какое-то жизненное обоснование, так они казались более реализуемыми. То он мечтал, что найдёт туго набитый деньгами бумажник, то во дворе под старой липой выкопает горшок с золотыми монетами, или на чердаке их дома обнаружатся драгоценные серьги и кольца в жестянке из-под монпасье.

Бумажник, что-то никак не находился. Под огромную липу Жека подкапывался со всех сторон, но кроме ржавых гнутых гвоздей ничего не выкопал. Чердак их столетнего дома, забитый разным хламом, заветной жестянки никак не выдавал.

Другой бы успокоился, но Жека мечты не оставлял. Для него выдуманный им самим мир начинал казаться реальным. Верилось, сделай шаг и всё в твоих руках. Но как именно, и куда шагать он не знал, и спросить было некого, потому что своим сокровенным Жека ни с кем не делился.

И всё же, пару лет назад какой-то слабый толчок к процветанию Жека почувствовал.

Заметил он тогда на заброшенном колхозном поле двух ребят, которые ранним утром ходили по высокой траве странными кругами, а время от времени ковырялись в земле короткими складными лопатками. Жека не смог преодолеть любопытства и, скрывая смущение, подошел, назвал их, соврав, что это участок его матери, заинтересовался: а что это городские тут выкапывают?

Он, при случае, умел сыграть простоватого парня, чем и воспользовался. Бородатые молодцы в камуфляжных костюмах, увешанные ножами и флягами, смутились. В их расчёты явно не входило общаться с аборигенами. Они сказали, что только вот приехали. При этом один рукой показал на зеленую машину, приткнувшуюся на краю поля. А ищут они артефакты и никому их осторожный коп повредить не может.

Про артефакты Жека не понял и попросил показать, какие они такие эти артефакты. Слово-то ему очень понравилось.

Молодцы переглянулись. Большое желание послать подальше деревенского недоумка явно читалось на их лицах, и было нестерпимым. Но это означало конец поискам на данном поле, поскольку по новым законам их увлекательное хобби стало не совсем легитимным.

Вздыхнув, один из парней, что побородатее, вынул из кармана плоский контейнер из прозрачной пластмассы, открыл и показал Жеке. Тот с удивлением рассмотрел две маленькие позеленевшие монетки с гербом Советского Союза и какие-то круглые медяшки с зубчатым краем и двойной продольной прорезью посередине.

– Это чё, артефакты? – зачарованно спросил Жека.

– Самые, что ни на есть, – подтвердили копатели, – Две и три копейки тридцатых годов прошлого века, а эти кругляши – от ремней конской сбруи, по-нашему, «конина».

– И чё, можно продать? – начал соображать Жека, – А если золото найдёшь?

– Всё можно продать, но сперва найти надо. Золото оно так не валяется. Твои предки, кто здесь пахал, золото видали только на церковных куполах, значит, и потерять на поле его не могли.

Зря они сказали про предков. Жека раньше к окружающим полям и перелескам был совершенно равнодушен, а тут вдруг почувствовал, что эта мохнорылая братия его лично просто обворовывает. Жека насупился.

Перемену в его настроении почувствовали и копатели. Под чужим, да ещё недобрым взором, металлоискатели закапризничали, а их обладатели занервничали, а потому, смачно плюнув Жеке под ноги, оба свернули аппаратуру и отчалили.

Жека вздохнул полной грудью. Вот оно богатство, под ногами. Пользуйся. Только как его возьмешь без металлоискателя? Складные лопатки, камуфляж, фляги – эти игрушки для бородатых городских детей, Жеку не впечатлили, потому, что на результат поиска влиять не могли. Но где взять металлоискатель и как с ним обходиться, вот был вопрос.

Надо сказать, что Жека в свои неполные двадцать лет нигде ни одного дня не работал: как бросил школу четыре года назад, так и ошивался при матери на вольных хлебах. Ладно хоть, она его на свою небольшую инвалидную пенсию кормила. Помогало и хозяйство. Жека на себя работать любил. Огородные грядки и картофельная полоса за усадьбой хорошо обеспечивали их с матерью целый год. Куры и кролики тоже выручали. Все это были Жекины заботы. Мать страдала ногами из-за сахарного диабета и от дома далеко не отходила. Всё больше сидела у старенького телевизора «Рекорд», чертыхаясь на полуголых девок в различных шоу.

Машину купить им было не по средствам, даже не такую блестящую и навороченную, как в Жекиных мечтах, а простого жигулёнка. Но выручал дедов «Урал» с коляской. На нём Жека мотался по своим делам, и мать постоянно доставлял в районную больницу. Без транспорта в деревне не прожить. Жека приспособил к мотоциклу прицепчик и возил на нём траву для кроликов, речной песочек для кур и всякую всячину.

Так что жить-то они жили, но денег было в обрез. Кроме пенсии деньги изредка появлялись, когда удавалось продавать дачникам куриные яйца или крольчатину. Покупали в бывшем сельпо только хлеб, соль и чай, редко сахар. Донашивали одежду, что была. Да и некуда было наряжаться в деревне-то. Постоянной статьёй расходов оставался табак. Курили много. Особенно мать.

После встречи с бородатыми копателями Жека никак успокоиться не мог. Даже его мечты теперь обрели новое направление и были связаны с могучей силой видеть сквозь землю. Несколько телевизионных передач про поисковиков с металлоискателями Жека видел по мамкиному ветхому телеаппарату. Но те искали останки солдат, какие-то капсулы. Это Жеку не интересовало.

Решение у него вызрело такое. Нужно обращаться в город к скупщику металлолома. Много чего Жека к нему перетаскал. Вначале с мужиками, а потом, сообразив, что проще не делиться, и в одиночку. Опять спасал верный «Урал» и разорённая колхозная сельхозтехника. Вырученные денежки Жека тратил на себя, матери не отчитываясь. А что? И бензин нужен, а когда и запчасти по мелочи, а то просто пивка выпить охота. За каждым рублём к матери не набегаешься.

Невысокий мужик, заправлявший скупкой металла, носил кличку Выхлоп. Работёнка у него непыльная, сиди себе в ангаре, покуривай. Припрут неопохмелённые мужички какую-то непонятную штуковину, определи какой металл, да взвесь. Таблица Менделеева не нужна. Калькулятор отщёлкает, сколько кому уплатить. Ну, а если вещь бытовая, знакомая, то и ещё проще. Чугун к чугуну, латунь к латуни и далее по прейскуранту. Горы металла копились в глубине ангара, пару раз в месяц это богатство вывозили, а Выхлоп по-прежнему посиживал в мягком кресле на колёсиках, доставленном из какого-то разорившегося офиса.

По кличке мужика звали прямо в глаза. Жека сперва стеснялся, мужик-то постарше будет, но потом вслед за остальными тоже стал обращаться без церемоний: Выхлоп, да Выхлоп. Поначалу Жека полагал, что «выхлоп» это от утреннего перегара, но заметил, что приёмщик много и не пьёт, чтобы такую погонялу заслужить. Потом знающий дружок растолковал, что на блатной фене «выхлоп» означает прибыль, приход.

Другими глазами посмотрел Жека на Выхлопа и заметил, что за ласковым матерком нет-нет, да и прозвучит у того жёсткая нотка. Да и добытчики металла, народ пропитой и отчаянный, с приёмщиком о цене и весе не спорили, как скажет, так и будет. И ещё, зная, что народ, получая у него деньги, донесёт их до первого винного ларька и пропьёт, Выхлоп никогда за металл водкой не расплачивался и никогда никому спиртного в своём ангаре не предлагал. Это было правило. Руки у Выхлопа синели от татуировок, на пальцах наколоты перстни, которые говорили понимающим людям многое про Выхлопа. Такие украшения попусту не исполняют. Добавишь себе дутого авторитета незаслуженными наколками, можешь и пальцев при случае лишиться. Это Жека хорошо понимал и отношения с Выхлопом поддерживал ровные.

Выбрав момент, когда Выхлоп сидел в ангаре один, Жека подкатил к нему со своим интересом. Чтобы казаться полезным Выхлопу, Жека напирал на то, что металла тогда будет немерено.

Выхлоп, выслушав, не удивился. Будущим барышам сильно не обрадовался. Сказав, что-то вроде: притащишь, тогда и посмотрим. Но потом переговорил с кем-то по мобильному телефону, произнеся несколько незнакомых Жеке слов, в том числе слово «Майнлаб» и сказал, чтобы Жека позвонил ему завтра к вечеру и сразу приготовил десять тысяч рублей.

Жека смущённо признался, что позвонить ему неоткуда, телефона у него нет, он лучше просто подъедет завтра вечером и десять тысяч постарается набрать.

– Ну, смотри, – коротко буркнул Выхлоп, – договорились.

Жека весь вечер и следующий день пытался набрать денег. Своих было только четыре с половиной. Мать на просьбы не повелась и денег не давала, хотя Жека врал, что деньги нужны на запчасти для мотоцикла. Только к обеду угрозами, что не сможет её возить к докторам, Жека выклянчил три тысячи. Десять никак не набиралось, но не поехать к Выхлопу Жека не мог.

Ворота ангара были закрыты. На Жекин стук Выхлоп приоткрыл одну створку и пустил его внутрь. В ангаре никого не было. На низком, сваренном из мощных стальных профилей, столе для приёмки металлолома лежал мягкий серый нейлоновый чехол.

– Вот металлоискатель «Майнлаб», бэушный, но рабочий. Инструкция на русском есть. Гони десять косарей.

Глаза у Жеки разгорелись, вот протяни руку, и мечта воплотится, но денег не хватало. Выхлоп понял, что есть закавыка и, выяснив про собранную сумму, присвистнул.

– Как же мне быть-то, – причитал Жека, не сводя глаз с чехла, – Нету сейчас столько денег, хоть плачь.

– Ладно, болезный, я за тебя два с половиной косаря добыю, но ты мне потом пять товаром отдашь. Идёт?

Жека, не помня себя от радости, согласился, сгреб в охапку покупку и заторопился домой, опробовать диковину.

С этого и началась у Жеки новая интересная жизнь. Он с головой ушёл в поиски, терзал расспросами мать и двоих ещё живших в деревне стариков, выясняя, где что в старину находилось, и где шли большие бои, и где закапывали убитых. Но многого узнать не удалось. Память, что ли, была у людей короткая, или тяжелые воспоминания в человеческих головах не удерживались, или просто старые пни Жеке для расспросов достались, но ничего для себя толкового Жека не узнал.

Больше повезло со старой учительницей, которая теперь в бывшей Жекиной школе вела кружок краеведения. Лидия Григорьевна показала и старые карты Калашинского уезда,

и сохранившие схемы боевых операций, и вообще поддержала, рассчитывая на пополнение школьного музея воинской славы. Жека в обещаниях не скупился.

Освоение прибора тоже наладилось. Собрал он его без труда, вставил нужные батарейки. Поначалу прибор взбрыкивал. То пищал на разные голоса, то цифры на табло начинали плясать. Но сверяясь с инструкцией Жека упорно шёл к своей цели. В разных концах огорода он позакапывал на разную глубину куски металла, какие только нашёл. И магнитящиеся, и цветные, и, по секрету от матери, даже единственную её серебряную ложку. По тону писка и по цифрам ему постепенно становилось понятно, что именно и как глубоко лежит.

Жека так увлёкся, что позабросил хозяйство. Мать заметила и устроила ругань на целый вечер. Жека отбрёхивался, но понимал, что мать заботится как им прожить зиму, а не просто срывает зло. Пообещал, что все выправит. Помирились.

В первый же выезд он, в указанном одним старичком болоте, нашёл двадцать шесть тяжёлых латунных артиллерийских гильз. Партиями перевёз их в ангар к Выхлопу, расплатился за долг и три тысячи заработал.

Бизнес пошёл. Всё найденное Жека таскал в ангар. Только оружие Выхлоп брать не захотел ни под каким видом, хоть и были эти винтовочные стволы и снаряды безнадежно ржавыми и безопасными. Жека сделал выводы, и такой хлам прикапывал там же, в лесу, где и находил.

Постепенно стали попадаться в старых блиндажах каски, поясные немецкие пряжки, штыки в ножнах, какие-то наградные знаки. Всё это Жека тоже предъявил было Выхлопу, но тот связываться не стал и направил его к Сергуне, мутному пареньку, который сплавлял всё это коллекционерам в Москву.

Особо ценились у тех немецкие овальные похоронные медальоны. Их сплав почти не поддавался коррозии, а просечка разделяла на две половинки. Одна оставалась на убитом, а вторую отламывали для учёта. Нужны были неразломанные медальоны, которые попадались нечасто. Получалось, что этот убитый немец там, у себя, числился пропавшим без вести. Всего восемь штук таких и нашлось пока. По слухам, в Германии за каждый можно было получить подержанную машину. Жека понимал, что Сергуня ему платит полцены, но деваться было некуда, связей, как у него, у Жеки не было.

Разбогатеть ему так и не удалось, но жизнь впереди просматривалась как-то поувереннее.

Конечно, лазая по лесам с металлоискателем, можно было нажить неприятности, а то и жизнью заплатить, но Жека судьбу не старался не искушать. К явно опасным штуковинам не прикасался, и никогда ничего не пытался поджечь или подорвать. Так и существовал.

Привязался было новый участковый. Заявился как-то утром и давай расспрашивать. Жека к такому повороту событий подготовился давно. Металлоискатель на виду не держал, находки прятал на специально подобранном месте за деревней, а особо ценные в тайничке в подполе. На виду валялось несколько насквозь проржавевших касок и винтовочных стволов. Их-то участковый и обзирал со всей ментовской подозрительностью. Жека тут же вынес ему из дома документик – благодарность от училки за пополнение школьного музея экспонатами, участковый и отвял.

Три дня назад судьба вновь подкинула сюрприз, после которого Жека и запил на радостях.

Решил он с раннего утра смотаться на разведанное прошлым летом грибное место, чтобы за один раз затариться на всю зиму. Не успел приехать – наткнулся на внедорожник, а в нём жмурик. Кто его и за что, было непонятно. Вокруг никого. Только-только начинало рассветать. Жека, смекнув, что никто его не видит, сорвал лопушок, через него взялся за рукоятку, открыл переднюю пассажирскую дверь и бочком присел на сидение. Покойников он не боялся, но рассматривать подробно лицо убитого не стал. Быстренько обшарил бардачок, там ничего, кроме бумажек не было. Нашупал в кармане пиджака мобильный телефон, на котором было

написано не нашими буквами «Верту». Латиницу Жека, вспоминая школьные уроки, освоил, торгуя немецкими находками.

Из внутреннего кармана пиджака Жека, стараясь не запачкаться кровью, вытащил толстенный бумажник. Часы и перстень снимать не стал, побрезговал, слишком они заляпаны кровью. Успокаивая себя, что мёртвому уже всё равно ничего не нужно, осторожно прихлопнул дверцу.

Больше Жеку ничего не держало. Словом, уже не до грибов. Он быстро вернулся к мотоциклу, уехал из леса и направился к своему особому месту.

Это совсем недалеко от их деревни, на пригорке. Один его склон обрывом уходил к реке. Оттуда не подойти. Со всех других сторон пригорок огибало старое русло реки, сейчас всё заиленное и непроходимое. Так что попасть сюда можно только по одной полевой дорожке, которая просматривалась километра на три. Это и было укромное место, где Жека разбирал свои находки. Всё негодное сразу поглощало болотце, туда же при опасности можно было скинуть и весь навар.

Бумажник из мягкой бордовой кожи не порадовал. В нём лежало водительское удостоверение на имя какого-то Садакова, четыре пластиковых карточки различных банков, на которых латинскими буквами напечатана та же фамилия. Денег нашлось до обидного мало. Всего двадцать три тысячи. И какая-то пластмассовая коробочка-футлярчик. Видно, этот мужик расплачивался банковскими карточками. Как это делается Жека видел, но для него этот путь слишком опасен, и он это хорошо понимал.

Деньги перекочевали в карман к Жеке. Бумажник с удостоверением и карточками, с усилием согнув их пополам, Жека запихнул в пустой снарядный стакан, хранимый под корнем березки для такого случая. Туда же он хотел запихнуть и футлярчик, но решил его рассмотреть получше.

Колпачок футляра легко снялся и обнажил металлический контакт. Жека вспомнил, что похожую штуку он видел в поликлинике у медсестры, которая в регистратуре колдовала за компьютером, записывая на приём Жекину мать. Она ещё как-то смешно эту штуку называла в разговоре с другой медсестрой, но Жека не запомнил. Значит, эта вещь тоже может стоить денег, нужно только поподробнее разузнать. Футлярчик погрузился в тот же карман, что и деньги. Оставался телефон. Необычные грани угловатого корпуса ярко отсвечивали золотом. Таких Жека никогда не видел и решил его всё же придержать, и показать Сергуне.

Он встал, сжимая в руке тяжелый снарядный стакан, размахнулся, что есть силы, и зашвырнул его в самую топь. Жижа чавкнула, принимая подарок.

Больше здесь делать нечего. Жека сгонял на мотоцикле в город, купил спиртного, пива и закуски и поехал домой. В сельском магазине он решил с деньгами не светиться, чтобы избежать лишних разговоров.

Жекин трехдневный пир прервала мать. Она ещё в дверях начала ругаться, обзывая неблагодарным, и другими обидными словами. Жека как мог оправдывался и уверял, что выпивать он прекращает, деньги как с неба упали, грех было не отпраздновать. Желая утихомирить мать, он отдал ей пятитысячную бумажку. Мать деньги убрала и уж было собралась уходить на свою половину, но остановилась у притолоки и с чувством выдала:

– Горе, ты горе. Одно слово безотцовщина, научить некому. Упал тебе фарт, ну и сиди тихо, как мышь под метлой. Оглядишься, всё ли ладно. А ты за стакан, и ханку глушишь. Сявка ты ещё, сявка и есть.

Жека притих, понимая, что мать говорит от сердца. Правда словечки у неё те ещё. Сказывался трехлетний лагерный опыт. Мать загремела тогда за растрату в магазине на отсидку, а Жека в интернат, пока его не забрал к себе оттуда дед.

Мать, махнув рукой, ушла, а Жека крепко призадумался. Хмель в нём всё ещё бродил, но пора было остановиться и действительно разузнать в городе, нет ли каких разговоров про труп и машину.

4

Климов, погружённый в раздумья, до районной больницы дошагал, не заметив расстояния. Пришёл в себя на ступенях главного корпуса. Сделав над собой усилие, Игорь внутренне собрался, настраиваясь на работу со свидетелем. Сунув в окошко проходной удостоверение, Игорь выяснил, где сейчас больной Иванов. Сказали, что уже перевели в общую палату. Второй этаж, налево, палата двадцать один.

В палате на шесть человек все места были заняты. Лежачих оказалось всего двое. Остальные или сидели на своих местах, или бродили между коек. Имелись и двое посетителей, выделяясь на фоне застиранных халатов яркими летними одеждами.

Петровича Игорь не сразу узнал. Бинты укутывали верхнюю часть головы, а лицо состояло из здоровенных синяков, окаймлённых нездоровой желтизной. Досталось ему по полной программе.

Рядом с Петровичем на белом стульчике расположилась крупная нарядная дама. На тумбочке у кровати лежали апельсины и кульки с печеньем и конфетами. Петрович, увидев Игоря, узнал его и поздоровался. Дама насторожилась и строго глянула на Игоря. Тот поздоровался и представился даме. Оказалось, что это жена Петровича. Ей позвонили из деревни и сообщили о несчастье с Геной. Она и примчалась. Позвонили, небось, те старушки с повадками цереушниц, с которыми Игорь и Куницын вчера общались.

Разговаривать с жертвой нападения при таком числе болельщиков Игорь не мог. Поэтому, обратился с просьбой войти в положение, и обождать, немного в коридоре. Народ не возражал и потянулся к выходу. Встал даже второй лежачий больной, объявив, что ему как раз надо в туалет. Даму пришлось попросить второй раз, после чего она с явным неудовольствием вышла.

Рассказ Петровича был короток. Никаких конфликтов у него ни с кем не имелось. Нападение он связывал только с найденной машиной и покойником в ней. Парней он хорошо запомнил и описал. Оба высокие, крепкие, с короткой стрижкой. В кожаных куртках. Один постарше. У него имелся пистолет, который он сунул Петровичу прямо под нос. По виду вроде пистолет Макарова, но рассмотреть не успел, потому что сразу стали бить по лицу, свалили на пол и несколько раз ударили ногами. Говорили мало, требовали отдать документы убитого и какую-то флешку. Незнакомое слово запомнилось. Потом перерыли всё в доме, но ничего не нашли. На уверения, что он ни к чему в машине не прикасался, старший ударил ногой в голову и Петрович потерял сознание. Что происходило дальше, не знает.

Игорь судорожно записывал его показания, а потом решил составить отдельный протокол с устным заявлением Иванова Геннадия Петровича о совершенном в отношении его преступлении. Петрович с трудом расписался в документах. В этот момент в палату ввалилась медсестра и подняла хай про нарушение режима, мол, больные должны лежать, и она доложит заведующему отделением, что следователь всех выгнал из палаты. Игорь своё дело уже сделал, спорить с медсестрой не стал и откланялся, пожелав выздоровления Петровичу и всем присутствующим, включая медсестру.

5

Куницын в это время встречал старших коллег из областного управления. Прибыли два подполковника полиции Кривошеев и Шарафутдинов. Они сначала прошли к начальнику полиции и официально представились, а потом перешли в кабинет Куницына и стали просматривать дело оперативного учёта, куда Евгений успел поместить копии постановления о возбуждении уголовного дела и протокола осмотра места происшествия. Комментарии Евгения они выслушивали молча. Когда он выговорился, повисла пауза. Приезжие молчали. Поняв столь красноречивое молчание, как нежелание говорить в незнакомом помещении из опасений прослушки, Евгений, улыбаясь, предложил перекусить с дороги. Предложение было благосклонно принято, и вся компания спустилась во двор к машине.

Для таких особых случаев у Куницына имелся дружок по имени Гамлет, а у Гамлета – придорожная шашлычная, которая так и называлась «У Гамлета». Прелесть заключалась в том, что помимо основного здания, в глубине засаженного яблонями участка спрятались небольшие беседки, где, не афишируя, удобно провести любую приватную встречу.

Заняв дальнюю беседку, гости и Евгений закурили. Проворный официант сразу начал подавать на стол лаваш, зелень, минеральную воду. На первое попросили борщ, на горячее все сошлись на шашлыке. Гости не отказались и от бутылочки коньяка, рассудив, что до вечернего совещания у Зинченкова ещё много воды утечёт. Внимательный к мелочам Евгений попросил официанта отнести водителю в машину пару чебуреков и лимонад.

За едой о делах не разговаривали, выпили за встречу, за верховного главнокомандующего, за тех, кого нет, и за семьи. На этом бутылка иссякла. Кривошеев разрешающе махнул рукой и Евгений заказал ещё коньяка. Принесли и чай.

Тут и настало время серьёзного разговора. Теперь говорили гости. По их словам, в деле об убийстве заинтересован кто-то наверху. Им дана жесткая команда обеспечить быстрое раскрытие. Тут надежда на Евгения с его оперативными возможностями среди местного контингента. Хотя все понимают, что Калашинский район просто место нападения, все задумано и организовано в Москве.

Главное: установить мотив убийства. Пока он неясен, может быть личная месть, может быть ограбление, а может и желание заткнуть рот. Гадать можно долго, нужна хоть какая-то информация. По линии уголовного розыска на убитого Садакова или его окружение ничего нет. Но вот коллеги из отдела по борьбе с экономическими преступлениями кое-что подкинули.

Садаков работал в компании, которая проводила аудит для многих фирм, поскольку по закону они периодически обязаны публиковать отчётность, осуществлялись также финансовые консультации, суть которых сводилась, в основном, к изысканию законных способов снижения налогов или оптимизации денежных потоков. В общем, ничего привлекающего внимание. Но уже несколько лет через агентуру в ОБЭП капает информация, что у нескольких топ-менеджеров фирм, пользовавшихся услугами компании Садакова, возникали большие финансовые проблемы. Кто-то нашёл средства, справился и продолжает работать, кто-то, что называется, сошёл с круга и отсиживается за границей, а кого-то и нет в живых. Предполагается, что имел место шантаж. Но что именно и какие там крутились суммы, никто не говорит. И то, что за этим мог стоять Садаков, пока только предположение. Поэтому этой информацией следует пользоваться осторожно, иначе могут быть печальные последствия. Первая ласточка – этот ваш свидетель, нашедший машину, да и сама сгоревшая машина.

Евгений пообещал всё это учесть. Условились, что будут пока обмениваться информацией, а в случае чего областные опера Евгения прикроют. На этом обед и завершили. Проходя мимо основного здания, Куницын крикнул:

– Гамлету привет передай от меня, – и помахал рукой официанту, который, в ответ, склонился в почтительном полупоклоне.

Гамлет с Куницына денег за угощение не брал, памятуя всё доброе, что тот для него сделал. Да и Евгений, знавший меру, своими привилегиями в этом кафе не злоупотреблял.

6

После допроса в больнице Игорь сразу направился к себе в следственный отдел, куда на после обеда были вызваны люди по делам, которые он расследовал. Нужно было воспользоваться временем до очередного вечернего совещания.

Два были несложные: о бытовых убийствах. Всё в них ясно, и, если бы могли их фигуранты отмотать время назад до той крайней пьянки, что привела их в тюрьму, с радостью от своих фатальных действий отказались бы. Не факт, конечно, что очередная выпивка вновь не заставила их хвататься за нож. Но тут о предначертаниях человеческих судеб можно гадать сколько влезет. Оба злодея проходили психиатрическую экспертизу, и пока Игорь просто подчищал эти дела, допрашивая соседей и подшивая в тощие тома характеристики из школы, с работы и по месту жительства. Набрать таких бумажек нужно за десять предшествовавших лет, что и требовало немалой переписки и времени на пробег почты.

Третье оказалось посложнее из-за множества назначенных экспертиз. Дело о несчастном случае на производстве в результате нарушения правил охраны труда возбуждалось ещё до назначения Климова на должность. Игорь утонул бы в ворохе инструкций, большинство из которых вдвое, а то и втрое его старше, если бы не подсказки Белова. Дело шло к завершению, и если бы не это свежее убийство, то Игорь начал бы уже знакомить обвиняемых мастера цеха и директора завода с материалами уголовного дела перед направлением прокурору. Теперь надо навёрстывать: истекли неоднократно ранее продлённые сроки следствия.

Настоящей головной болью оказалось четвёртое дело: об изнасиловании. Три недели назад к Сорокину на приём явилась девушка в сопровождении матери и заявила, что её накануне пытался изнасиловать уважаемый в городе человек – главный инженер департамента коммунального хозяйства. Этому предшествовал корпоративный праздник этого славного заведения, завершившийся к вечеру коллективной выпивкой. Поскольку уже стемнело главный инженер вызвался проводить захмелевшую девушку, которая трудилась у них в канцелярии. По дороге напал, стащил с неё одежду, повалил в кусты, чтобы изнасиловать, но она чудом выскользнула, и побежала, не разбирая пути. Главный инженер, хотя и в хлам пьяный, пытался её догнать. На её счастье она увидела освещенный вход, куда и забежала. Оказалось, что это котельная городской бани. Истопник, увидев её плачевное полуголое состояние, заперся изнутри и вызвал полицию. Главный инженер сначала побарабанил в дверь, но, поняв, что дело не выгорело, ещё до приезда полиции ушёл.

Вот и вся история.

Девушка и её мать, сидя перед Игорем, заливались слезами, и жаждали возмездия. Разъяснение о том, что подобные дела возбуждаются исключительно по заявлению потерпевшей и не подлежат прекращению за примирением сторон, вызвало бурю возмущения и упреков: что следователь не на их стороне, и как вообще он мог подумать, что кто-то будет примиряться после такого зверства.

Игорь приступил к процессуальному бумаготворчеству. Когда дошло до описания одежды, мать торжественно выложила на стол пакет, и на удивлённый взгляд Игоря с гордостью заявила:

– Вот блузка, юбка, бюстгальтер и трусы. Не сомневайтесь, всё выстирано и поглажено.

Игорь сначала разозлился, хорошо понимая, что и биологические следы преступника, и микрочастицы с его одежды утрачены, а, значит, не будет и основных объективных доказательств. Но потом, взглянув на мать жертвы, понял и её. Вот ведь, несмотря на такое горе, собралась с духом, привела всё в порядок, чтобы не стыдно было выложить перед посторонним, тем более мужчиной. Пришлось Игорю приобщать к протоколу, то, что было.

Он направил девушку на судмедэкспертизу к Реброву. В общем, машина следствия закрутилась.

Главный инженер всё отрицал, утверждая, что после вечеринки они уходили вместе, но разошлись, и он один пошёл домой. Ни на кого он не нападал, никого не насиловал и, вообще, он дипломированный инженер, офицер запаса, имеет семью и двух детей, с чего бы ему насиловать? Его адвокат, специально приглашённый из Москвы, забрасывал Игоря всякими вздорными ходатайствами, а при личных встречах настойчиво просил рассматривать всю историю как добровольный отказ его клиента от совершения преступления.

Не обрадовал и Ребров. По его заключению несколько царапин у девушки не характерны для повреждений при изнасиловании, девственная плева не нарушена, на смывах с тела посторонних генетических следов не обнаружено, не говоря уже о сперме.

Коллеги из коммунхоза, словно сговорившись, пьянку припоминали неотчётливо, кто с кем и когда ушёл, уверенно сказать не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.